

АЛЕКСАНДР
АФАНАСЬЕВ

ЧАС НЕГОДЯЕВ

Александр Николаевич Афанасьев

Час негодяев

Серия «Враг у ворот.

Фантастика ближнего боя»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=13142081

Час негодяев: Эксмо; Москва; 2015

ISBN 978-5-699-84704-4

Аннотация

2017 год. Ввод российских войск окончательно поставил крест на планах США и их союзников по превращению Украины в своего верного сателлита. Еще недавно единая, страна распалась на 4 части. Но начало этому было положено в феврале 2014-го, когда на киевском Майдане прозвучали роковые выстрелы и пролилась первая кровь. Кто же автор грандиозной провокации, приведшей к ожесточенной войне в центре Европы? Узнать это и покарать виновных – дело чести и совести для российского разведчика Валерия Прохоренко, к тому же это не только его служебный долг, но и личное, даже – семейное дело....

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

168

Александр Афанасьев

Час негодяев

© Афанасьев А., 2015

© ООО «Издательство «ЭКСМО», 2015

* * *

*Стивену Хантеру, одному из лучших ныне
живущих писателей, пишущих на английском языке,
автору книг «Точка попадания», «Я, снайпер» и
«Третья пуля», – посвящается...*

*Побледневшие листья
Окна...
Зарастают...
Прозрачной водой...
У воды нет ни смерти,
Ни дна,
Я прощаюсь
С тобой...
Горсть тепла после долгой
Зимы —
Донесем...
Пять минут до утра —
Доживем...
Наше море вины
Поглощает
Время-дыра.
Это все,*

*Что останется после меня...
Это все,
Что возьму я с собой...*

*«Это всё...»
ДДТ*

Последние часы Едыной Краины.

Ч+27.

Киев, улица Тургеневская, 59.

Дата – центр Укртелекома

Ночь на 11 мая 2017 года

Это был конец – и штаб-сержант морской пехоты США Габриэль Козак, Critical Skill Operator, относящийся к Crisis-
Reaction Team, базирующейся на базе в Сигонелле, Италия, позывной «Гота-семь», это прекрасно понимал. Он участвовал в экстренной эвакуации американского посольства из Ирака и видел, что там происходило. Здесь было примерно то же самое, только вместо банд оголтелых бородатых отмороzków были русские танки, которые, по слухам, уже достигли окраин Киева и закреплялись на окраинах, не желая рисковать новым Грозным. Возможно, это могло быть и вранье. Но было темно, и он слышал грохот турбин пронесившихся в небе штурмовиков. Он готов был поставить деньги на то, что это не украинские штурмовики. Да и летели они на запад.

Штаб-сержант Козак занимал позицию, укрывшись за деревом на ночной киевской улице Тургеневская, и удержи-

вал северное направление. Его напарник, вместо того чтобы прикрывать его, удерживал юг, находясь в пятидесяти метрах дальше по улице. Улица была тихой, узкой, чисто европейской. Из-за машин были слепые зоны, но штаб-сержант был уверен, что справится с этим.

Уверенность, как и всегда, ему давала его винтовка. Совсем недавно он поменял свою «M39EMR» – старую, добрую «M21» в высокотехнологичной ложе – на новую «КАС M110CQB» – ту же самую, ставшую уже легендарной «Mk11» mod0, но в компактном исполнении, разработанную с учетом иракского опыта и куда лучше подходящую для уличных боев и перемещения с ней в бронетехнике. На ней был установлен прицел AN/PAS-13E Thermal Weapon Sight (TWS) – термооптический прицел, который не усиливал рассеянный свет, а улавливал излучаемое человеческими телами тепло и потому делал его королем ночи. С этим прицелом и этой винтовкой он тренировался постоянно и мог попасть с рук в бегущего человека с трехсот метров первым же выстрелом. Обычно снайперы морской пехоты не тренируются в стрельбе с рук. Для прикрытия позиции служит напарник с автоматическим оружием, но сержант помнил иракские уроки и знал, что напарник бывает рядом не всегда.

Как сейчас.

Сержант плавно переместил прицел, чтобы обследовать новый сектор, с тоской посмотрел на высотное здание – новое, выстроенное явно недавно и изуродовавшее старый Ки-

ев. Будь у него время, он бы и забрался на эту высотку, чтобы с нее контролировать весь квартал, а потом его сняли бы с нее вертолетом. Там можно было бы сутками сидеть. Но вертолета у них не было. Времени тоже не было.

Ничего больше у них не было.

Причина, почему он был один вынужден прикрывать направление, заключалась в том, что еще двое парней из спецгруппы, защищающей посольство и сейчас прикрывавшей его отход, вынуждены были заниматься демонтажом и погрузкой дорогой специальной американской аппаратуры, которая была установлена в этом здании год с небольшим назад и сейчас не должна была попасть к русским ни в коем случае. Проклятые придурки облажались, и вот теперь русский медведь так близко, что он может чувствовать его запах, а они, вместо того чтобы уносить ноги, вынуждены сидеть в самом центре города, который вот-вот падет. Как хренов Багдад, черт его дери...

Погрузкой командовал какой-то козел в костюмчике. Именно командовал – сам он не грузил. Людей у него своих не было, их вывезли еще утром, и потому на эвакуацию аппаратуры дернули всех, кто был под рукой. Оперативников из конторы – местной станции ЦРУ, которые не успели унести ноги или не придумали достаточно весомого повода, чтобы свалить, безопасников из Greystone, еще пару человек из политического отдела посольства. Эти хоть какую-то пользу принесут, хоть немного отработают свое чертово жа-

лованье...

В поле зрения термооптического прицела была высотка, подъезд к ней. Там шло движение, но угрозы в нем сержант не видел, хотя видел у одного из стоявших там автомат. Для Киева сейчас, впрочем, обычное дело. Из дома спешно выносили что-то и грузили в машину – большой внедорожник от Lexus. Судя по тому, что выносили и грузили аккуратно, не воры. Свое грузят. Сматываются...

Впрочем, дело житейское. Сержант не питал к ним ни презрения, ни ненависти – это их дело. Может, и в самом деле пора сматываться. Таковы уж эти дикари. Когда ожидался штурм Багдада, а они ждали до последнего с эвакуацией, местные полицейские, охранявшие посольство, одевали гражданскую поддевку под форму или носили ее с собой, в сумке. Это чтобы, когда припрет, быстро переодеться и тикать. Дикари, что с них взять. И судить их тоже нельзя – когда ИГИЛ взяли город, там убивали с утра и до вечера, Тигр был красный от крови. От такого лучше и в самом деле держаться подальше.

Подошло время – сержант щелкнул по рации, привлекая внимание своего напарника.

- Канада, на связь. Как слышишь.
- Гота, слышу отлично.
- Доложи.
- В секторе чисто. Небольшое движение, гражданские. Оружия нет пока.

Его напарника звали «Канада», потому что он родился в Канаде. Правда, у самой границы – его отец был менеджером в автомобильной промышленности, работал на канадском заводе Крайслера. Сын по его пути не пошел, тем более что американская автомобильная промышленность дышала на ладан. Вместо этого он стал морским пехотинцем и быстро добрался до одного из самых элитных подразделений – спецназа морской пехоты. Они, кстати, не относились к группам обеспечения безопасности посольств, их основной специальностью было немедленное кризисное реагирование, и потому они были лучшими специалистами по уличным боям и антипартизанской войне в морской пехоте США. Сюда их перебросили после наступления в Донецке – кто же знал, что русские нанесут удар и им придется иметь дело с танками. Их было тридцать человек на весь Киев, и у них не было ни одного ПЗРК, ни одного ПТУРа, чтобы сдержать ринувшегося на Запад русского медведя. Еще была небольшая группа спецназа BBC USAF Red Horse, предназначенная для обеспечения эвакуации американской собственности и персонала из критических опасных районов. Они могли справиться со многим, но не с наступающей на Киев танковой дивизией русских. Их командир, подполковник Джейк Берч, отправляя их на задание, вполне серьезно сказал им быть готовыми к тому, что они будут отрезаны наступлением русских и им придется выбираться из Киева самим.

Черт бы побрал всё, как не вовремя...

– У меня небольшое движение. Один хрен с «АК» в оборонительной позиции.

– Агрессивен?

– Нет, иначе бы я его пристрелил. Похоже, собирается валить, как и все мы.

– Удачи ему.

– Как и всем нам.

– Да, брат. Как и всем нам.

Сам он за свою судьбу не беспокоился – при наступлении бывает полный бардак, и они вдвоем запросто выскользнут из кольца куда-нибудь в юго-восточном направлении. В конце концов, каждый из них проходил курс полевого разведчика и готовился к действиям во вражеском тылу. Проблема будет в том, если на них повиснут чертовы гражданские. И совсем хреново будет, если прикажут вытаскивать аппаратуру.

Тем временем к дому вырулил еще один автомобиль, темный «Фольксваген Туарег», и тут же грянула длинная автоматная очередь. В прицеле сержант увидел, как ублюдок с «АК» дал длинную автоматную очередь по «Туарегу».

– Боже! Сукин сын!

– Гота. Вопрос – что там у тебя?

– Тот хрен с «АК». Он пристрелил парня.

– Какого нахрен парня? Гота, ты в порядке?

– Ястреб, общий вопрос – кто стреляет, кто стреляет? Вопрос – на улице безопасно?

Это тот хренов п...р в костюмчике.

– Здесь Гота, сэр. Ублюдок с «АК» примерно сто метров от меня, на двенадцать. Пристрелил какого-то парня в машине, гражданского.

Снова раздались выстрелы. Подонок с «АК-47» шел вокруг машины, одиночными добивая тех, кто в ней был.

– Ястреб, Готе вопрос – он угрожает нашей позиции? Огонь идет в нашу сторону?

Сержант уже выбрал большую часть хода спускового крючка.

– Отрицательно, сэр, повторяю – отрицательно. Это какие-то местные разборки. Разрешите стрелять, сэр?

– Гота, открывать огонь запрещено. Только в ответ, как поняли, подтвердите.

Гота чуть ослабил нажим на спуск.

– Вас понял, сэр. Наблюдаю за ситуацией.

Ублюдок с «АК» остановился и посмотрел в темноту. Красное перекрестье прицела было прямо на нем, Гота молился – давай, парень, только подними свою гребаную пушку, и я отправлю тебя в ад экспрессом, и мне плевать, кто ты там есть. Просто подними свою гребаную пушку. Но ублюдок не сделал этого. Вместо этого он принялся толкать расстрелянный им «Туарег», чтобы освободить выезд.

– Гота, Ястребу вопрос – сколько времени еще займет погрузка?

– Ястреб – Готе. Минут десять.

– Понял, сэр.

У того парня все заняло еще меньше времени. С территории жилого комплекса начал выезжать «Лексус», он ловко запрыгнул в машину, на переднее пассажирское, и они ушли куда-то вниз, скрылись за поворотом.

Повезло сукину сыну. Сержант был настроен пристрелить его просто для обеспечения пути отхода.

– Ястреб. Общая информация – мы закончили с погрузкой, повторяю, мы закончили. Гота, Ястреб, Канада, сообщите обстановку.

– Канада, на шесть чисто, на улице чисто, движения нет.

– Гота, на двенадцать чисто, движения не наблюдаю. Сектор чист по всей зоне видимости.

– Ястреб, о'кей, о'кей, отходите к машинам как можно быстрее, как поняли?

– Гота понял. Канада, отходишь первым.

– Канада понял. Пошел.

Сам сержант принял позицию «с колена», готовый сваливать.

– Гота, здесь Ястреб, я у конвоя, прикрываю тебя. Двигай задницей.

– Гота понял, иду...

Снайпер спецназа морской пехоты поднялся и неловко побежал по улице, спиной чувствуя свою незащищенность. Если он кого-то пропустил, этот кто-то будет только рад вса-

дить ему пулю в спину.

Транспорта в нормальном количестве им не выделили. Они располагали двумя «Субурбанами» и новеньким, только недавно доставленным «Фордом Эконолайн». С обеих «Субурбанов» они демонтировали все сиденья, чтобы влезла аппаратура и хватило места унести ноги им самим.

В неярком свете разбросанных ХИС (придурок из ЦРУ демаскировал операцию, хотя какая теперь разница) он видел своего напарника – тот целился дальше по улице из своего «М4» с глушителем.

– Давай, давай.

Штаб-сержант пробежал к замыкающему «Субурбану» – там была открыта здоровенная задняя дверь, – и рука брата, морского пехотинца, сержанта Тимоти Бриса, схватила его и втащила внутрь...

– Ястреб-три. У нас полно, повторяю полно. Все ястребы на борту.

– Ястреб-два, у нас полно.

– Ястреб-один, отправляемся. Маршрут Bravo, повторяю, Bravo. Всем внимание, вести наблюдение на всем маршруте движения. Огонь только в ответ.

Машины уже трогались. «Субурбан» был даже величественнее, чем «Хаммер», настоящий символ Америки времен войны с террором, ничуть не менее известный, чем раньше был «Кадиллак». Самый большой из гражданских джипов, техасский лимузин, шесть метров длиной, крепкий ку-

зов, высокая посадка и под три тонны весом. На такой машине можно было справиться с любыми неприятностями.

Кроме русских танков.

– Подними задний борт, нахрен, – сказал Брис, – мы тут как на ладони.

Сам Брис прицепил сзади к какому-то крючку кусок троса, который носил с собой, и продел в образовавшуюся петлю ствол и цевье облегченного пулемета «М240 Е6».

Сержант Козак сделал то, что его просили.

– Эй, Барни, – спросил он Бриса, назвав того по кличке, – что ты сделаешь, когда встретишь русскую «Т-девятку»? Естественно, после того, как наложишь в штаны.

– Спрошу, как убраться отсюда, – сказал серьезно Барни, – я тут меньше месяца, но эта дыра меня капитально затрахала.

– Эй, тут можно найти и кого получше, кто тебя затрахает. Помнишь ночной клуб?

– Помню, – с той же серьезностью отозвался Барни, – а помнишь тех местных пи...ов, которые забрасывали посольство камнями и бутылками с мочой? Что они от нас хотели, вот скажи мне?

– Наверное, чтобы мы им помогли против русских.

– Да? А какого хрена мы должны им помогать против русских, брат? Почему бы им самим не попробовать справиться с русскими?

– Наверное, ради идеалов демократии и свободного ми-

ра, – ответил Козак, – ради бога, Барни, на мою задницу и без того немало желающих ее затрахать.

– Нет, ты скажи, – угрюмо сказал пулеметчик, – я пятый ребенок в семье. Мой отец трудился на двух работах и мать на двух – и все равно, нам ни на что не хватало. В армии я впервые нажрался от пуза и оделся не хуже других. А теперь скажи мне, брат, какого хрена Америка должна отдавать хоть доллар этим засранцам. Почему бы не попробовать истратить его в США, так было бы больше пользы. Какого хрена они требуют от нас денег, мы им что, что-то должны? Какого хрена им нужны наши деньги?

– Не знаю, брат...

Они уже выбрались с узкой и извилистой улицы на более широкую.

– Знаю только, что это ничем хорошим не кончится.

– Да, брат. Тут ты прав... справа!

Снайпер резко повернулся, чтобы увидеть взлетающие откуда-то справа в небо трассеры. Взлетали они с равными промежутками...

– Сигнал?

– Похоже, он самый, брат. Тут, как и в Багдаде – найдется немало тех, кто ждет освободителей.

– Везде одно и то же дерьмо.

Машины тем временем резко затормозили.

– Узнай, что за хрень...

Снайпер активировал рацию.

– Ястребу-один Ястреб-три, вопрос – причина остановки.
– Ястреб-три, улица перекрыта, мы сейчас попытаемся проехать. Сохраняйте бдительность.

– Ястреб-один понял.

– Что там?

– Препятствие на дороге. Сейчас попробуют объехать.

– Мне эта срань знакома.

На сержанта Козака обстановка действовала удручающе... стены домов по обе стороны улицы, деревья, какие-то отблески. Общая атмосфера конца. Как-то он читал иллюстрированную книгу, и ему запоминалась репродукция картины «Последний день Помпеи». Вот, это примерно оно...

Тем временем они протиснулись мимо какой-то баррикады – люди перегораживали дорогу транспортом и поваленными деревьями. Работали при свете костра, вот отсюда и отблески. Сержант заметил у одного из «лесорубов» «АК-74».

– Парень с «АК» справа. Не дергайся.

Они проехали. Поехали дальше, но на более низкой скорости.

– Какого хрена этот сукин сын полез на Bravo? Центральные улицы наверняка перекрыты баррикадами. Он что, не мог проехать Кило?

– Мы уже ехали туда по Кило.

– Да, и путь был свободен.

– Ты никогда не отступаешь тем же путем, по которому пришел.

– Да, но мы, б..., в городе, который вот-вот падет.

– Может, он боится заблудиться?

– Не знаю. Просто поверить не могу, что этот е...ат командует людьми.

– Да пошел он... Как думаешь, – пулеметчик кивнул на виднеющуюся вдали баррикаду, – на сколько она удержит русские танки?

– Ну, если у них есть «РПГ», то, может, и удержит.

– Если у них есть «РПГ», то русские снесут город к чертям собачьим. Здесь будет второй Грозный. Они должны это понимать.

– Вряд ли... В любом случае это их проблемы.

Впереди раздались выстрелы, и машины снова начали терять скорость.

– Вот же... Ястребу-один Ястреб-три, вопрос – что там у вас впереди!

– Ястреб-три, у нас тут местные, агрессивно настроены. Сейчас проедем.

Но вместо этого машины остановились. Сержант оглянулся – и то, что он увидел, заставило его похолодеть от ужаса.

Они влипли.

Впереди горели какие-то костры, и от них к машинам быстро бежали люди. Некоторые с оружием.

– Закрываем дверь, быстро! Бросай свой пулемет, нахрен!

Барни нажал на кнопку, и верхняя часть огромной задней двери начала медленно, но неумолимо подниматься на

гидроупорах. Подбежавший с их стороны к машине первый местный в ярости начал стучать чем-то о борт машины, о стекла, которые были защищенными.

– Вот сукин сын...

– Нам тут не рады.

– Ястребу-один Ястреб-три, у нас тут проблемы с местными.

– Ястреб-три всем, не выходить из машин. Веду переговоры...

– Он ведет переговоры.

– Да и хрен ему на рыло, – сказал Барни и достал из кобуры на боку укороченный до предела дробовик Remington с пистолетной рукояткой, в варианте door breacher, – сейчас эти сукины дети кое-что новое узнают об американцах.

– Опусти ружье, нахрен. Только по команде.

– Ага.

Сам Козак тоже достал свой пистолет – «кольт» с удлиненным магазином. Тем временем местные майданствующие попытались пропороть шины, но обнаружили, что там специальные вставки и резиновая пена и ножом их не возьмешь. Это привело их в еще большую ярость.

– Ястребу-один Ястреб-три, местные пытаются проникнуть в машину, ведут себя агрессивно...

Тем временем оперативный сотрудник АНБ Вирджил Айснер, отвечающий за проект электронного наблюдения

в Киеве и обязанный вывезти аппаратуру, сделал самую большую глупость в своей жизни. Он следовал в головном «Субурбане», тот был бронированный, и у него не опускались стекла.

И потому он приоткрыл тяжеленную бронированную дверь, хотя делать это было категорически запрещено.

Сразу несколько рук ухватили ее и дернули на себя. Он еле удержал ее, если бы дверь не была бронированной, не удержал бы. Но тут играла свою роль инерция и автодоводчик двери, и ему удавалось ее держать.

– Бей!

– Жги их!

– Колеса, колеса режь!

– Мы граждане США! – заорал Айснер. – Вы не имеете права!

– С...и!

– Колеса, колеса!

Водитель врубил одно из средств нелетальной защиты. Сирена, на громкости более ста десяти децибел, ударила по погромщикам, пытающимся прорваться к машине. Кто-то отшатнулся, схватившись за голову, но кто-то продолжал лезть на машину.

Пистолетный выстрел ударил по лобовому стеклу, прямо напротив водительского места. Не пробил. Прямое нападение на машину.

Водитель нажал на газ, и семилитровый двигатель бросил

машину вперед, через вязкую человеческую массу. Кто-то прыгнул на капот, его лицо, искаженное нечеловеческой злобой, на секунду оказалось напротив водителя, и он подумал, что это зомби. Потом оно исчезло, грянули автоматные очереди.

Бутылка с зажигательной смесью хряснулась об крышу, разбилась, ослепительно-яркое пламя потекло по бортам. Раздались выстрелы.

– Нападение!

Все они прекрасно знали предел применения силы – сейчас оппозиционеры, или кто там они были, перешли черту.

Барни нажал на кнопку, верхняя часть люка поползла вниз, кто-то попытался схватиться за край нижней «калитки», и Козак выстрелил в него почти в упор. Мелькнуло почти белое лицо, человек мгновенно упал. Защелкали выстрелы.

– Ястреб-три. Прорываемся!

Словно отвечая, машины тронулись, жидкий огонь тек по крыше. Визнула пуля – и тут же загрохотал пулемет Барни, посылая в темноту огненные, пронизывающие насквозь пики трассеров. Конвой двигался все быстрее и быстрее, пулемет замолчал, израсходовав ленту. Пахло пороховыми газами.

– Черт... Эти ублюдки!

Козак направил на огонь струю огнетушителя, Барни за-

кашлялся.

– Убери, нахрен.

...

– Что это было?..

– П...ц какое командование, вот что это было. Мы въехали в засаду.

– Черт, они за нас или как?

– Они ни за кого. Сейчас – каждый сам за себя. Понял?

– Вас понял, – покладисто отозвался Барни, заправляя новую ленту в свой пулемет.

Времени совсем не оставалось...

Три машины, каким-то чудом не попав в новую засаду, прошли мост Патона и вырвались на Бориспольское шоссе. Они были потрепаны, но живы...

Козак подключился к сети внешней радиосвязи. Новости не радовали.

– Гражданин, здесь Браво-один, срочное сообщение. Наблюдают садящиеся борты типа «Кандид», один из них прошел прямо надо мной. В районе международного терминала ожесточенная перестрелка. Наличие русских в аэропорту Борисполя подтверждаю, повторяю – наличие русских подтверждаю, русские уже в Борисполе. Этот путь для эвакуации закрыт, как поняли, подтвердите... черт.

– Гражданин – всем позывным на линии Браво. Подтверждено наличие русского десанта в районе аэропорта Бор-

исполь, там идет бой. Использовать данный путь для эвакуации запрещаю, всем транспортным конвоям – действовать по плану «Омега», повторяю – действовать по плану «Омега».

– Гражданин, здесь Красная лошадь, подтверждаю – посольство холодно как лед, холодно как лед. Наших там уже не осталось.

– Красная лошадь, вас понял, прекращайте наблюдение и сворачивайтесь. Ваш путь эвакуации Лима, повторяю – линия Лима, вертолеты для эвакуации будут ждать вас на точке Лима-четыре через один – восемь – зиро майк, один – восемь – зиро майк. Вы должны добраться туда за это время.

– Фалькон-лидер, здесь Черная собака, по данным гражданских источников – в северных пригородах Киева находится российская бронетехника, но подтвердить это другими источниками невозможно, прием...

– Черная собака, здесь Фалькон-лидер, вопрос – твоим источникам можно доверять, прием?

– Фалькон-лидер, это корреспонденты-стрингеры, англичане. Думаю, что доверять можно, прием.

– Вас понял, Черная собака. Смени частоту и больше не высовывайся. Мы уходим из города. Удачи...

– Фалькон-лидер, вас понял, сэр. Удачи и вам...

– Гражданин, всем позывным на линии Bravo.

Общая информация, в случае, если плен неизбежен, вам

запрещается сопротивляться русским. Уничтожьте аппаратуру и сдавайтесь. Мы вытащим вас...

– Вот ведь б...ство, а?

– Ты о чем?

– Они уже думают о том, как сдаваться.

– Сукины дети...

– Я слышал, что в Борисполе уже русский десант...

– Быстро работают, козлы...

– Постой-ка. А куда мы едем?

– Вот же... мы едем к русским! Сэр, в Борисполе...

Но большего сержант сказать не успел. Потому что справа что-то рвануло с такой силой, что они моментально оглохли. Они почувствовали удар... а потом еще один взрыв, сильнее прежнего.

И темнота...

Штаб-сержант Корпуса морской пехоты США Габриэль Козак, Critical Skill Operator, относящийся к Crisis-Reaction Team, базирующейся на базе в Сигонелле, Италия, позывной «Гота-семь», пришел в себя, не понимая, где он и что с ним.

Он лежал на животе, и во рту было солоно-солоно. Барабанные перепонки безумно болели, глаза ничего не видели.

И судя по тому, что было больно, вряд ли он попал в рай. А для ада было слишком холодно, он дрожал от холода.

Попытавшись перевернуться, он не смог этого сделать. Острая боль резанула по рукам, по горлу, и он понял, что

связан.

Плен...

Само осознание этого наполнило душу американского военнослужащего ужасом. Он хорошо представлял, что такое плен в Багдаде, им к посольству подбросили мешок. Когда взрывотехник вскрыл его, его вывернуло наизнанку. Там была кожа двух оперативников Пентагона, которые были направлены в Ирак, с тем чтобы попытаться принять командование над героически бегущими местными военными и попытаться отстоять Багдад. Они даже не знали, что эти ребята пропали – тогда полный бардак творился, никто не знал, где кто находится и что вообще нахрен происходит. Как потом оказалось – часть иракской армии вместо того, чтобы сражаться, сдалась в плен в несколько раз меньшей по численности банде ваххабитов и выдала американских советников, чтобы доказать свою лояльность. Боевики сняли с американцев кожу заживо, сложили ее в мешок и подбросили к посольству...

Нельзя попадать в плен – билось в голове. Нельзя попадать в плен, иначе ты труп. И твоей смерти не позавидуют даже враги.

Особенно если ты снайпер. Снайперов не брал в плен никто.

Он начал думать о том, чтобы покончить с собой. На самом деле это достойно. Путь самурая. Ты сам выбираешь смерть, а твои товарищи за тебя отомстят. Только как это

сделать, если у тебя связаны руки.

Мысли в голове были какими-то вялыми, шум в ушах утихал.

Решение пришло неожиданно. Надо откусить язык и захлебнуться кровью. Он вспомнил, что читал книгу про ниндзя и те кончали с собой именно так.

И с этими мыслями штаб-сержант Козак открыл рот, как смог, высунул язык, а потом с решительностью обреченного стиснул зубы.

Боль захлестнула кровавой волной, он не выдержал и секунды – разжал зубы и замычал от боли. Кровь текла по щеке, кровь текла из поврежденных десен. Зубы на месте были не все – спереди от большинства из них остались только осколки. Язык онемел, он больше его не чувствовал. Но боль странным образом способствовала просветлению сознания – голова болела меньше, и он мог хоть что-то слышать помимо биения сердца в ушах...

Потом болеть начал и язык.

Глаза тоже постепенно приходили в норму, и он понял, что светлеет. Кто-то был рядом, но он не мог понять, кто это. Свои или чужие...

– ...Ты сколько положил...

– По три...

– О...л совсем? До сих пор салюты в башке бабахают.

Сами себя глушанули.

– Зато без стрельбы, считай, упаковали.

– Придурок. Следующий раз я тебе «Зарю» в ж... засуну.

Потом кто-то подошел ближе, он почувствовал присутствие человека рядом. Человек был в ботинках, похожих на его собственные «Даннерсы», а вот нижний край брюк, которые он видел, был другим.

– Сержант, ко мне...

В американской и русской армии слово «сержант» произносится одинаково, и он подумал, что обращаются к нему. Но обращались не к нему.

– Ты его так связал?

– Так точно, тащ подполковник.

– И нахрена ты так связал?

– Как учили, тащ подполковник, козой.

– Мудак. А если бы он задохнулся? Пленные на обмен нужны.

– Прошу простить, тащ подполковник.

Дышать сразу стало легче, ноги тоже перестали болеть.

– Пиндос, что ли?

– Он самый, тащ подполковник. Даже табличка на форме есть.

– Богатый кабанчик?

– Да было немного.

– Немного... Короче, слушай приказ. Что взяли – заныкай и держи при себе. На халяву и г...о – конфета. Этих гавриков... видишь «КамАЗ»?

– Так точно.

– Грузишь и дуешь в аэропорт. Там спросишь комендача, полковника Никольского. Сдашь ему под роспись пленных и обратно... Ништяки не сдавай, заныкай куда-то. Нигде не задерживайся...

– Так точно. Тащ подполковник, там еще блоки какие-то. Машины под завязку набитые.

– Видел. Я уже фейсов вызвал, пусть разбираются. Приказ понял?

– Так точно.

– Бегом...

Какое-то время сержант лежал на земле, потом его с двух сторон подхватили под руки, повели и втолкнули в высоченный грузовик, стоящий на дороге. Внутри грузовик был бронированный, скрытое бронирование под тентом.

– Шесть!

– Последний.

Глаза немного отошли, полог тента был открыт, и он видел всё – колышащийся белый свет над дорогой, дым где-то вдалеке, дорогу, стоящий позади русский бронированный джип с пулеметом, на нем, на высоком хлысте антенны, был странный флаг. Не бело-сине-красный, русский, а черно-желто-белый...

– Трогаем!

Кто-то постучал в кабину водителя, бронированная машина начала разворачиваться на шоссе. Ее сильно качнуло, когда она переползала через разделительную полосу. Потом

машина, взревев мотором, пошла вперед. Позади оставались русские, захваченная колонна, набитая совершенно секретной аппаратурой перехвата и слежения. Сегодня у русских хороший день.

– Что слышно?

– Говорят, десантура уже к Банковой прорвалась.

– П...ц бандерлогам...

– Да... щас с ними за всю их фашню разберутся. Кто не скачет, то москаль, на... Вот они-то у нас поскачут...

– Повзор!

– Я!

– Метлу привяжи.

– Есть...

– И за «мясом» следи. Сбежит еще...

– Так точно...

«Мясом» русские десантники почему-то называли натовцев.

Два года спустя.

Поезд Киев – Днепропетровск.

7 июня 2019 года

С чего начать...

В теории игр есть такое понятие игра – с нулевой суммой. Это значит, что в конце игры все остаются при своих. Это то, чего так громогласно боятся европейские политики

и интеллектуалы — игры с нулевой суммой. Как во времена холодной войны. Но все их страхи означают, что они ни черта не знают про Украину. На Украине игра всегда заканчивалась с отрицательной суммой. Когда теряли все. Что в девяносто первом, когда Украина последовательно рвалась на волю, когда провозглашала независимость и получила в итоге самое страшное падение производства во всем СНГ. Что в две тысячи четвертом, когда скандировали «Ищенко, Ищенко», не зная о том, что все уже давно решено, посты поделены, и Конституция-2004 — это гарантия того, что ничего не изменится. И Ищенко, тот самый Ищенко, за которого мерзли и не спали ночами, за которого агитировали, подписал «понятийку» — негласный пакт о том, что все будет по-прежнему. Что в две тысячи четырнадцатом, когда рывок в Европу обернулся гражданской войной и еще более наглой, коррумпированной, беспринципной властью, нежелали та, в борьбе с которой погибла Небесная сотня.

Когда все это началось? В девяносто первом, с самого начала независимости, когда первым президентом выбрали бывшего первого секретаря украинского комитета партии? В девяносто четвертом, когда во власть пришел Кучма, снискавший сомнительную славу отца украинской коррупции? В двухтысячном, когда страна оказалась на грани государственного переворота и «белорусского сценария», но сумела не допустить его, как потом оказалось — ради двух Майданов и гражданской войны. В две тысячи четвертом,

когда были заложены основы открытого противостояния Запада и Востока? В девятом, когда прошли выборы и действующий президент получил пять процентов голосов, а Восток страны – рванул за 2004 год? В четырнадцатом, когда на Евромайдане пролилась кровь Небесной сотни, но так ничего и не изменилось? В пятнадцатом, когда на выход рванул Крым, а потом и Донбасс, но не успел?

Я не знаю.

Что здесь делаю лично я?

Если сказать, что я выполняю приказ, – это будет ложью. И прежде всего – ложью самому себе. Сказать, что заставили... это вообще бред, никто и никогда меня не мог заставить. Я прохожу здесь очередной круг своего личного ада. Того ада, который выбрал себе я сам. И никогда не жалел об этом.

Поезд на Днепропетровск, «Днепр», как тут его называют. Скоростной «Интерсити», идущий почти без остановок...

Я сижу в кресле и не работаю на ноуте, не смотрю кино на планшете, а просто смотрю в окно.

Впереди очередной город. В котором в очередной раз придется начинать все с нуля...

Нескончаемая кинолента окна...

И жизнь как ускоренная перемотка этой проклятой ленты...

Мне довелось жить в четырех главных городах бывшего

Советского Союза... Я родился и вырос в Ленинграде, там же начинал службу. Жил в Минске и закончил там Высшую школу КГБ. Служил, а потом занимался бизнесом в Москве.

Но меня почему-то всегда тянуло в Киев...

Если брать по порядку, то Санкт-Петербург – город моего детства. Да, да, отойдите за поребрик. Родился я не в самом лучшем районе, на Васильевском острове, тогда его прозывали «Васька». Это сейчас там все снесли и элитную недвижку строят, а тогда... Но каким-то чудом я не связался с дурной компанией, не влип в историю, не заработал судимость, которая в рабочих районах почти норма. Возможно, сыграла роль спортивная секция, в которую меня отдали, – я с детства занимался стрельбой, а этот спорт сильно дисциплинирует, он не требует особой силы, но дисциплина должна быть идеальной. Потом я поступил на юридический факультет Ленинградского университета, учился у профессора Собчака, затем мне предложили работать в КГБ. Там были свои особенности, поэтому меня сразу перевели в Москву, и в Ленинграде, который потом стал Санкт-Петербургом, я бывал редко и недолго.

Ленинград... кстати, название Санкт-Петербург мне не нравится, думаю, лучшие всего этому городу подошло бы название Петроград. Он запомнился мне мостами, неспешно текущей водой, улицами и переулками, и ленинградскими дворами... таких не было даже в Москве... вот почему, кстати, в армии московских ненавидят, а питерских – нет.

Это город, полный истории, мифов и тайн, город со своей историей и культурной традицией, в нем можно встретить обычных и в то же время очень необычных людей. Когда у отца получилось поменять квартиру, как – лучшие не спрашивайте, – мы переехали в район намного лучше, центральный, и я доучивался в школе, с верхнего этажа которой был виден купол Исаакиевского собора. До сих пор помню эту картину – конец мая, итоговое сочинение, открытое окно и купол Исаакия на фоне грозового неба.

Москва... мне не нравилась ни тогда, ни сейчас. В Москве никогда не любили ленинградских. Москва первой стала торгашеским городом. Когда я переехал в Москву, а в московском УКГБ в некоторых подразделениях работали не только москвичи, то меня всегда поражала грязь в этом первом городе страны. Грязь могла быть в самом неожиданном месте, прямо в центре, – и ее никто не убирал. Как так можно? Складывалось впечатление, что живущие здесь люди как будто живут в деревне, где раскисшая хлябина – норма, и они не уважают ни себя, ни свой город. Ну, ладно, в Ленинграде тоже не идеально было, но, по крайней мере, на улицах поддерживался порядок, и поддерживали его сами горожане. А в Москве... помню, я шел от метро в понедельник, а в выходные, видимо, выбросили какие-то овощи в продажу. Ломаные ящики, гнилые и раздавленные ногами овощи – их просто сгребли в кучку и оставили. Как так можно...

Впрочем, Москва всегда была гигантским пылесосом,

втягивавшим в себя самых разных людей. Если в Ленинграде даже рабочая традиция была еще с дореволюционных времен, то в Москве...

Ладно, пропустим.

Потом я заработал в Москве большие деньги. Но так и не научился любить этот город. Огромный, шумный и чужой.

В Минске я жил, пока учился в Минской школе КГБ, то есть меньше, чем в любом другом городе из оставшихся трех. Но Минск я успел понять. Хороший, правда, простоватый город, без традиции – хорошей или плохой. Широкие проспекты, богато построенные дома, но есть и старая застройка, совсем провинциальная, правда. Хорошие люди... почему-то я не могу вспомнить ни одного минчанина, которого назвал бы плохим человеком. Чисто и уютно – еще при СССР это был очень чистый и аккуратный город. Самый большой из провинциальных, я бы так его назвал. Минчане, не обижайтесь – Москва, к сожалению, тоже провинциальный город. Город, в который стекается провинция. Но в Минске нет той заносчивости, спеси и хамства, которое есть, к сожалению, в Москве.

Но меня почему-то все равно тянуло в Киев...

Киев был словно заноза. Город, где я работал. Город, где я жил. Город, где я встретил единственную женщину, которую полюбил по-настоящему.

Город, для которого я стал врагом...

И почему-то сейчас, после всего, после того кошмара, ко-

торый произошел с нами, с русскими, с украинцами, я снова вернулся в Киев. Хотя в этом городе произошли самые страшные события в моей жизни...

Ты не плачь, если можешь —
Прости,
Жизнь не сахар, а смерть нам не
Чай.
Мне свою дорогу нести,
До свидания, друг, и прощай.
Это все,
Что останется после меня.
Это все,
Что возьму я с собой...
Вот и все...¹

*Каждый идет своей дорогой. И несет свою дорогу в себе...
И прощенья нам нет...*

***Киев – Центр.
3 июня 2019 года***

Утром дали горячую воду. Наконец-то удалось помыться...

Лето в Киеве все не наступало. Холодная весна плавно перетекала в лето, с затяжными, почти осенними дождями и

¹ ДДТ, «Это всё».

каштанами, мокнущими под промозглым дождем с ветром. Даже каштаны до сих пор не отцвели.

Еще едва не пролил кофе на клавишу ноутбука. Было бы печально, он со мной уже несколько лет...

У меня нет никакого желания рассказывать вам о себе, но кое-что, полагаю, вы вправе знать. Мой псевдоним прикрития Валерий Прохоренко. Это псевдоним, еще с давних времен, настолько давних, что имя я уже забыл. Что я здесь делаю? Я уже говорил, на этот вопрос ответить очень сложно. Я и не буду на него отвечать, по крайней мере, сейчас. Поймете по ходу...

Здесь я уже акклиматизировался. Снял квартиру... неважно где, квартирка хоть и небольшая, но тихая и в приличном районе. Зарегистрировался как ФОП – это аналог российского ИЧП. Торгую, плачу налоги, если нет возможности не платить, и плачу, если такая возможность есть. Барыга. Торгую я в основном продуктами питания, вожу туда и сюда муку, сухое молоко, рис, пшено... крупы, в общем. С мясом пока не затеваюсь – холодильника нет. Пока нет. Понемногу плачу взятки и помогаю разворовывать гуманитарку, но тут это все делают, и на фоне общей подлости я не сильно выделяюсь. Точки у меня есть на Борщаговке, на Дарнице и в других местах. Торгую и оптом, и в розницу. У меня четыре свои машины на развозе и несколько нанятых. Еще под полтинник торговых агентов.

Еще я потихоньку торгую российскими паспортами. Но

стараюсь не зарываться. Российский паспорт, честный, с нормальной пропиской не в резиновой хате – пятнадцать тонн вечнозеленых, как с куста. Вид на жительство – отдам за пять. Ниже спускаться не хочу, хоть и конкуренция давит. Зато у меня фуфла не бывает. Не то что кавказеры торгуют, – с дагестанской пропиской. Еще и рынок сбивают.

Бизнес идет. Он сейчас у всех идет – почему-то, по подлому стечению судьбы, как раз в местах, где надежды почти нет, где все так плохо, что хочется кричать, бизнес идет отлично, навар капитальный. С навара я купил «Порш Кайенн», угнанный, но тут многие на угнанных, как база полетела – не пробьешь. На нем я разъезжаю по ночным клубам и цепляю девиц. Клубы типа «Форсаж», «Партизан» – те, которые для этого и созданы, потому там мужики платят за вход полтинник бакинских, а дамам бесплатно. Нельзя сказать, что мне это не нравится. В Брюсселе все было мрачнее – там из нормальных только приехавшие на заработки девчонки, а местные либо страшные как смертный грех, либо... немного не такой ориентации.

Нравится ли мне Киев? Конечно, нравится.

Это все парадная сторона жизни. С изнанкой познакомитесь по ходу.

Погнали, в общем. Ключи от машины в карман, камеру повернуть – у меня на окне стоит мини-камера с распознаванием, наведенная на парковочное место, если кто задумает что подцепить под днище, его ждет неприятный сюрприз. Ее

я поворачиваю на вход в подъезд — теперь, перед тем как заходить домой, я смогу на мобиле посмотреть, нет ли у меня интересных гостей в «пидизде». Еще одну камеру я спрятал в самом «пидизде», но где — не скажу. Тоже не лишняя.

Сумку с собой, в ней ноут. И еще кое-что. Но это кое-что у всех сейчас есть. Или почти у всех.

В «пидизде» никого. Тихо.

Вообще Киев стал оживать только сейчас. Когда я только вернулся, было реально страшно: мертвый город. Как повешенный в петле. Кто-то сбежал от войны, кто-то — от мобилизации детей в армию. Бежали, кстати, в Россию, в том числе свидомые. Это просто очаровательно: представьте себе, чтобы из СССР бежали в гитлеровскую Германию. Но это нормально для украинца. Насколько я понял этот народ, у них есть способность жить в двух мирах одновременно — в идеальном и реальном. Мы уже повзрослели и эту способность утратили, а они — как дети. Идеальный мир наполнен идеальными персонажами, например, Бандерой, Шухевичем, побратимами, свидомыми, ридной Ненькой, москалями, мифическим персонажем Путинкуем, он же Куйло, донбассярским быдлом, ватанами, недостижимым идеалом — Европой. И в этом мире идет постоянная борьба добра со злом, причем все поступают исключительно правильно и благородно. Добро побеждает, зло проигрывает, ридна Ненька во всем своем величии. В реальном мире приходится платить за газ и свет, а чтобы это делать, помаленьку воровать

при любой возможности украсть, вместо того чтобы отправлять сына в АТО сражаться за независимость – отправлять его в Россию, чтобы не призвали. И что самое удивительное – реальный и идеальный мир в голове украинца уживаются мирно, бесконфликтно, и никогда не знаешь, когда он решит совершить путешествие из одного мира в другой. Делает он это так же легко и непринужденно, как Алиса проваливается в кроличью нору.

Здесь воруют. Воруют так, что я в жизни такого не видел. Воруют продавцы у хозяев, а хозяева у продавцов, заставляя обманывать клиентов. Олигархи воруют у народа, а народ – у олигархов, работая на них и воруя при первой удобной возможности. Воровали бы и у государства, да только воровать там нечего. А если будет чего воровать – будут и там воровать. Никогда не видел такого бесстыдного, даже наивного какого-то воровства. Каждый так и норовит украсть. А если поймаешь за руку и вместо наказания выведешь на откровенный разговор – сначала будут жаловаться, а потом такая ненависть плеснет – буржуи, жиреете...

Жест, в общем.

Для тех, кто последний год не смотрел телевизор, – я нахожусь в Киеве, столице вильной и независимой Украины. Которая, правда, теперь уменьшилась по территории. И которая одна из двух. Вторая Украина чуть южнее, второе ее название Днепро-Одесская Республика, и именно там находится законное правительство, законное хотя бы потому, что его

признает законным международное сообщество, и потому, что сохраняет непрерывную легитимность от девяносто первого года. На востоке – Новороссия, на Западе – ЗУНР, Западно-Украинская Народная Республика. Такова цена гражданского конфликта, который подспудно тлел много лет, а потом прорвался открытым пожаром гражданской войны.

Юридически Украина все еще едина, заключен федеративный договор, а по факту – конфедеративный, но на деле уже нет. То, что происходит сейчас, называется «режим прекращения огня». Он обеспечивается с одной стороны Россией, с другой – ЕС. Принят он был в июле прошлого года после того, как стало понятно: дело идет к катастрофической европейской войне. Обе стороны решили притормозить у обрыва и посмотреть, что можно сделать.

Схема следующая: центр страны остается на общее попечение, в Новороссии сейчас стоят российские войска, в ЗУНР – войска НАТО. Есть еще парочка никем не признанных. Через три года после заключения соглашения проводится референдум, на котором каждая из бывших областей Украины должна сказать, что она предпочитает – независимость или оставаться в составе единой Украины. Строчки про Россию в референдуме не будет. Но что получится по факту, не знает никто...

Русские танки ушли от Киева после долгого балансирования на грани войны и двух месяцев войны экономической с блокированием наших счетов там и их счетов здесь. Апо-

геем этой войны было блокирование счетов российских госкомпаний там и отказ российских госкомпаний от платежей по займам здесь. Пик экономической войны стал и ее финалом: после того как началось обвальное падение индексов по всему миру, известное как «черный понедельник», стало понятно, что санкции бьют в равной степени по обеим сторонам. Тогда-то и было принято компромиссное решение, согласно которому российские танки уходили из центральной Украины, но оставались в пяти восточных областях, а в центральную Украину вводился совместный миротворческий контингент.

Решение было компромиссным, а потому плохим. К власти вернулась опять та же самая когорта, которая правила тут двадцать с лишком лет и довела страну до крутого пике. И то, что называется «украинской политикой», закрутилось по новой, с мелочным выяснением неважных вопросов, игнорированием важных, битием фейсов и совершенно наглой, бесстыдной лжи. Правда, теперь не антироссийской, а просто лжи. Местный политикум – он, кстати, ни за, ни против России, я это уже понял. Он сам за себя и будет всегда сам за себя.

Не знаю. Может, это хитрый план? Смотря на эти конференции по национальному примирению, на лица тех, кто в них участвует, даже у меня, русского, вскипает разум возмущенный, и я готов идти в смертный бой хоть на Майдан, хоть куда, только чтобы больше этого не видеть. Просто не могу

представить, кем надо быть, чтобы проголосовать за Украину, чтобы правили вами все эти.

Хотя украинцы как раз могут проголосовать...

Так, к делу. Куртку на плечи, и вперед.

В «пидизде» чисто, ссаками не пахнет, потому что раскошелились на установку нормальной стальной двери с ключом. Половину суммы внес я, чем завоевал лютую ненависть остальных жителей «пидизда». Лампочки тоже светят – я их вкручиваю.

Выхожу, мельком осматриваюсь. Похоже, тихо, хотя до конца нельзя быть уверенным ни в чем. Бандеровцев в стране уже мало, часть выбили ополченцы, часть погибла в столкновениях со спецназом внутренних войск РФ и переформированным «Беркутом». Но кое-кто – самые отчаянные, самые озлобленные, самые опытные – остались. И что хуже всего – вовлекают в кровавую карусель молодежь. Хочешь вступить в гурт – это у них тут вместо джамаата, гурты по пять человек, – убей русского. Принеси видео – поэтому, кстати, если ты видишь человека с камерой или кто-то снимает на мобилу – это уже признак опасности, – и станешь одним из своих. Совершенно непривычный для нас городской терроризм, терроризм улиц и дворов, какого мы не видели с тысяча девятьсот пятого года. Терроризм, поддерживаемый ЗУНР, их называют «захарики» почему-то, и многочисленной украинской диаспорой по всему миру. Европейский Афганистан.

Сажусь в машину – вроде как все нормально. У меня на подоконнике веб-камера, постоянно направленная на машину, так что бомбу в машину за ночь мне подложить не могли, это я точно знаю. Могут расстрелять на выезде, но это уже а ля гер ком а ля гер, как говорится. Со двора есть три выезда, и я пользуюсь всеми тремя, без системы.

Выруливаю на улицу, моментально прибавляю газа... пошел. Ох, нравится мне «Порш». В Москве у меня был «Опель», довольно мощный, но «Опель», такие машины, как «Порш Кайенн», в Европе как-то не принято, это больше для нуворишей. А тут только на газ топнул – сотка...

Качусь по улицам. Кое-где следы пожарищ и пулевые сколы уже замазали. Но еще больше остается. Много остается, много! Как только подумаешь, что эти твари сотворили с Киевом, матерью городов русских, так хочется расстреливать. Пачками.

Да, я знаю. Мы не такие, как они. Но все равно поражаешься – с какой дикой злобой люди крушили и уничтожали место своего «життя», как будто не понимая, что другого не будет, никто не даст им другого. Как будто не понимали, что все – склады, дороги, дома – все это придется восстанавливать. Ручками.

Хотя чего тут говорить... я лично говорил с человеком, который присутствовал при каком-то эвенте с представителями ЕС. Там один профессор европейского университета спросил молодых украинцев – что вы ждете от Европы, от

вступления в европейскую семью? Ему, не задумываясь, влюб сказали – чтобы дороги отремонтировали. То, что дороги в своей стране надо ремонтировать самим, молодым парубкам просто в голову не пришло.

Ладно...

Склады я арендую на улице, известной как Здлобуновская. Что это название означает – не спрашивайте, я и сам не знаю. Место тихое, склады – примерно такие, какие у нас в России в глубинке. Если брать по классификации складских помещений, на уровень «С» натягивает, но с трудом. При этом место, где они стоят, с градостроительной точки зрения, козырное, даже очень – Днепр рядом. Представить, чтобы в Москве такое козырное место простаивало под старыми складами, я не могу, но тут это нормально.

Сворачиваю, паркуюсь. В линейке – дешевые, давно уже не производящиеся «Жигули», парочка «ВАЗ-2110», которые здесь производили под названием «Богдан» и которые скупали русские таксисты, парочка «Рено Логанов» и «Шкод». Опять-таки – на порядок ниже, чем в русской глубинке, там дешевая иномарка – норма, а русские машины покупают просто, чтобы пешком не ходить.

Паркуюсь, захожу в «офис». Прохожу в приемную, Олеся поднимается навстречу:

– Валерий Иванович...

– Пять минут – и приглашай всех...

День проходит неспешно в трудах и заботах, в привыч-

ной круговерти бытия, которая похожа на бег белки в колесе, но, поверьте мне, многие могут только позавидовать этому зверьку. Я в том числе. Те, кто жил в Украине и не понаслышке знает, что такое политическая свистопляска, очень ценят тишину и покой. Предсказуемую скучность бытия.

А вы как представляли себе работу разведчика? Как свист пуль и бешеные гонки на машинах по городу? Это как раз путь к провалу.

Впереди вечер. Культурный отдых и встреча с агентом. Который, по странному стечению обстоятельств, будет отдыхать в том же месте, что и я. Ничего необычного – стандартная «моменталка».

И тут зазвонил телефон...

Своего куратора по Москве, Матвеичева Александра Яковлевича (для своих дед Никола), я знал. Правда, как не Матвеичева, не Александра и не Яковлевича, но в нашей профессии это нормально. Он тоже учился в Минке. Последний выпуск некогда единой страны, уже девяносто второй. Электрички на Брест, торговля всем и всюду и спирт «Рояль»...

Его группа появилась через полчаса после того, как я прибыл в аэропорт. Прибыли обычным рейсовым военным самолетом, с Жуковского, он каждый день летает. В город селиться они не поедут, останутся здесь, в гостинице. В городе для них опасно. Пока группа селилась, я вытащил свое-

го однокашника поужинать – тут был и ресторан, и он работал. Судя по тому, как к нему обращались остальные члены группы, информация была верной, генерала он все-таки получил...

– Заказал уже? – спросил он, усаживаясь за столик. Здесь было все по-простому – люди в форме и музыкальный центр с тихо поющим Шевчуком. Песня подходящая, кстати...

Это все... что останется... после меня...

Это все... что возьму... я... с собой...

– Нет еще.

– Ладно... – Он уже обустраивался за столом. – Девушка, из мясного что есть?

Когда девушка отошла, я буркнул:

– Поздравляю.

– С чем?

– С лампасами.

Мой старый друг... хотя, наверное, уже нет... вытаращил глаза.

– Что, уже болтают?

– Нет.

– А как узнал?

– Твои перед тобой прогиб изображают – как перед генералом, не меньше.

Мой однокашник принужденно улыбнулся.

– Обратно не хочешь?

– Нет. И почему – ты знаешь.

– Да брось. Везде все одинаково.

– Нет. Не везде.

– Ты хочешь сказать, что у вас здесь по-другому?

– Да. Немного, но да. Потому что возможность реально подохнуть придает игре некоторый реальный смысл.

На стол уже несли.

*Мясо средней прожарки. Интересно, он хоть раз видел...
мясо средней прожарки на рыжей от огня броне?*

Ладно, не будем. Каждый из нас рано или поздно представит перед Ним и даст ответ во всем совершенном. И я. И теперь уже генерал-майор ФСБ Матвеев Александр Яковлевич. И вы все...

Просто надо иногда об этом вспоминать.

– Скучаешь?

– О ком?

– О старых временах.

– Нет.

– Да брось...

– Брошу. Что на сей раз?

– А с чего ты взял, что что-то есть?

– Ты ведь не просто так сюда прилетел – целый генерал в стреляющий Киев, верно? Мог бы и кого поменьше званием послать.

– Да много что. По нам решение принято – меняется структура. Я иду на Киев. А тебе в Днепр надо перебазироваться. И как можно быстрее. Задание прежнее – создание сети.

– Нет.

– Это не ответ.

– Ответ... – Я посмотрел за окно, туда, где в сгущающихся сумерках свистели турбины самолетов и вертолетов. – Ты знаешь, на каких условиях я работаю. Вы помогаете мне, а я помогаю вам. Чем смогу. Но на этом – всё. Я не работаю. Я – живу. Как могу и как умею.

– Обстоятельства изменились.

– Не для меня. К тому же, я договаривался с Голиковым. Не с тобой.

– Голиков ушел.

Вот так-так... А я и не знаю. Здорово... Что-то я выпадать начал из процесса.

– Давно?

– Две недели назад. На полпреда.

– Поздравляю. Ништяк работа – ничего не делай и получай зарплату.

– Ты поаккуратнее.

– А что – не так? – Я улыбнулся. – Я, мил друг, теперь своим трудом на хлеб зарабатываю. Так что имею право.

Тут я, конечно же, слукавил. Трудом-то трудом, но... Вся моя работа зависит от взаимоотношений с органами вла-

сти... и закончится она ровно в тот самый момент, когда передо мной закроются двери. А они закроются. Глупо принимать чиновников за просто людей в своей профессии. Это голем. Самый настоящий, который хочет жить. И который на своем пути растопчет любого...

Однокашник мой мог съязвить, и тогда было бы действительно – всё. Но он выбрал другой вариант. Все-таки Минка даром не проходит.

– Ладно, извини.

– Проехали...

Теперь и мне надо немного назад сдать.

– Сань, ты пойми, ничего личного. Ровным счетом ничего.

Но я не на службе уже много лет. И подчиняться приказам мне как-то не с руки. Ты знаешь, почему я работаю с вами до сих пор. И для меня личный вопрос в приоритете.

– Работа есть. Для тебя. Никто другой не справится – просто не потянет.

– Где?

– Там. В Днепре. Антонов сказал, или ты по-доброму идешь, или он тебя отзывает из активного резерва...

Надо сказать, что я до сих пор числюсь не в отставке, а в активном резерве. С одной стороны, это хорошо – позволяет мне решать кое-какие проблемы, потому что сотрудник в активном резерве числится действующим и не теряет допуски. С другой стороны – для того, чтобы снова вытащить меня на службу, потребуется только издать приказ.

– Антонов у вас теперь главный?

– Он.

В общем-то, не так плохо. Антонов был выходцем из бывшего ФАПСИ – Федерального агентства правительственной связи и информации, аналога АНБ США. Там наверху нет никого, у кого не было бы степени кандидата наук, – положение обязывает. А так как степень кандидата наук получить непросто даже при двадцати годах партстажа и толпе подхалимов, бывшее одиннадцатое управление КГБ обходили десятой дорогой все, кого направили на усиление. И там складывалась школа – настоящая, профессиональная школа разведки, где нет места папенькиным сынкам и всякому хамлу.

– Тогда он должен знать о моих договоренностях с Голиковым.

– Он знает.

– И что?

– Пойми, больше некому. Это раз. А второе...

– Второе? – прищурился я.

– Есть кое-что по Вячеславу. И как раз – связанное с Днепром.

Картинка или фотография, но мы ее называем «картинка». На фотографии – мужик средних лет, снято явно длиннофокусным объективом. На мужике белая ветровка, а место, где это снято...

Да, оно. Набережная Круазетт.

– Знаешь его?

– Лично нет. Но это – наш.

– Как понял?

Как понял... Да понял, не дурак. У наших, когда они попадают в такое место, как набережная Круазетт, бывает рожа топором. Люди там просто ходят, а они ходят не просто так, а по набережной Круазетт. И, наверное, пройдет еще лет двадцать, прежде чем что-то изменится. А изменится – только когда уйдет наше поколение. Тому, кто в детстве не ел досыта, бессмысленно говорить об умеренности в еде.

– Некто Тищенко Борис Макарович из Днепропетровска. Бизнесмен... Депутат Рады седьмого, восьмого, девятого созывов. Меценат. Владеет недвижимостью, а также финансовыми компаниями, работающими с населением.

Финансовые компании, работающие с населением, – это, чтобы вы понимали, те, кто дает деньги в долг под бешеные проценты. Во всем мире существует цивилизованная форма такой работы, первую организацию микрофинансирования основал профессор Мухаммед Юнус в тысяча девятьсот семьдесят шестом – «Граммин банк», он выдавал ссуды под небольшие проценты бедным бангладешцам и немало способствовал искоренению бедности в этой стране. Юнус был отмечен даже наградами ООН. У нас прижилась другая форма этого бизнеса – займы под один-два процента в день, когда высокий риск невозврата, просто покрывается сверхвысоким процентом, и потери от невозвратов просто расклады-

ваются на честных клиентов. В цивилизованном мире выдача займов под такие проценты называется «акульим бизнесом», во многих странах она уголовно наказуема. Но здесь это нормально...

Депутат Рады... седьмого созыва – значит, он пришел в политику только после Евромайдана и держится в ней до сих пор, даже теперь, когда Рада заседает в Днепропетровске. Человек Рабиновича, не иначе...

– И?

– Дело обычное. Пришел в банк ВТБ и попросил прокредитоваться. Ему дали кредит, затем возникли сложности с возвратом. Банку удалось его взять за одно место капитально, отвертеться он не мог. Тогда на встрече со службой безопасности банка он заявил, что желает сотрудничать со спецслужбами Российской Федерации.

...

– И дал вот это видео...

Я вставил карту памяти в телефон, включил запись...

Съемка из гостиничного номера. Движение, какой-то назойливый шумовой фон. Открытое окно, трепещущие шторы серого цвета.

Человек, у него карабин «СКС» с оптическим прицелом и глушителем, он одет в толстовку и стреляет через окно – под углом вниз. Лица не видно. Потом снова движение, крик: «Окно закрывайте!» По-русски.

Запись обрывается...

– Вы хотите сказать, что это запись двадцатого февраля?

– Я ничего не хочу сказать. Посмотри на таймер, там все есть...

Я выдохнул. Спокойно... Собственно, я никогда не сомневался, что рано или поздно всплывут записи действий снайперов в тот страшный день... просто потому, что на Украине не бывает иначе, здесь все кидают всех и все страхуются на случай кидка как только могут. Такого рода записи – убойный, стоящий огромных денег компромат, и вряд ли тем, кто обеспечивал действия снайперов, это не было известно. Вопрос – а что потом?

– Я как-то связи не вижу. Такие записи всплывали и не раз.

– Да. Вот только Борис Тищенко на следующую встречу, на которой мы, кстати, планировали дать согласие, не пришел. По нашим данным, он вылетел в Грецию, а оттуда – куда-то еще.

– Вряд ли он будет делиться с сыном.

– Попытка не пытка. Хорошо. А что с Вячеславом?

Матвеичев достал еще одну бумагу и протянул мне.

– Узнаешь?

Я впился глазами в картинку.

Это было фото, сделанное то ли цифровым аппаратом, то ли цифровой камерой, явно из окна гостиницы «Украина». Это была площадка перед Жовтневым палацем, окна торца здания выходят на нее. Мой взгляд сразу выделил группу лю-

дей, они были в центре, и среди них одного, в куртке-парке. Я ее узнал. Потому что это была моя куртка.

– И что?

– А вот это снято камерами наблюдения отделения банка ВТБ в Днепропетровске...

Я всмотрелся в следующую картинку. Один из людей был обведен красным маркером.

– Это не он.

– Он. Мы прогнали через компьютер.

– Это не он!!!

– Он, – безжалостно сказал Матвеичев, – твой сын не погиб в тот день. Он жив до сих пор. И каким-то образом связан с этой историей.

– Этого не может быть... Просто не может быть...

– Может. – Матвеичев говорил жестко, словно гвозди вколачивал. – Ты забыл, чему нас учили? Не может быть – последние слова алфавита...

Мой сын Вячеслав, единственный сын, пропал без вести двадцатого февраля в Киеве, где-то в районе Европейской площади. Вместе с ним пропали еще четыре человека – вся их пятерка. Ониполнили собой список так называемой «потерянной сотни», то есть людей, которых до сих пор не могут найти.

Это моё. То, с чем я живу и обречен жить до конца дней своих.

– Фотошопом я тоже пользоваться умею.

– Это не фотошоп. Есть и другие материалы по Днепру. Но знакомиться... ты сам понимаешь...

Может только резидент. Понимаю.

– Другого все равно послать некого. Кроме того, у тебя же там друг есть, верно?

Да. Друг у меня там есть...

Бровары.

Вечер 5 июня 2019 года

Домой – за город, в свой оставшийся еще с тех времен старый дом в Броварах, отданный жене при разводе и потом брошенный ею, когда она уезжала в Лондон, – я приехал почти в полночь...

Загонять в гараж машину я не стал. И даже не стал открывать дверь в дом, я просто сидел на ступеньках, как чужак, и смотрел в темноту.

Знаете... я не задаю вопрос – за что. Он бессмысленен по сути своей, я отлично понимаю – за что. Я задаю только один вопрос – когда все это кончится...

Когда...

И ответа на него не получаю.

Заснуть сегодня все равно не получится.

Все это напоминало... знаете, удар молотком по тарелке. Тарелка красивая, в узорах, и тут по ней молотком – раз! Или кувалдой.

И все. Нет больше красоты. Только острые, режущие до крови, до кости осколки.

Так и моя жизнь. Раз!

И на куски...

Прикинул время... по Лондону еще время детское. Достал телефон, подключил, набрал номер, который помнил наизусть.

Музыка. Ритмичная, дерганая... какой-то современный стиль.

– Хало...

Да... Это она.

– Марина...

– Кто это?

– Марин, это я...

– Я перезвоню.

Обрыв. Гудки.

Да... трудно ожидать иного. Раз! И на куски...

Это про мою жизнь. Жизнь, разлетевшуюся на осколки холодной зимой две тысячи четырнадцатого...

Все средства, которые мне удалось скопить за границей, – а те, кто жил и работал в Киеве, не могли не копить средства за границей, – я отдал им. Понимая, что это ничего не изменит и не исправит – все равно отдал. Мы теперь чужие люди... но много ли мне надо? Теперь мне не нужно уже ничего...

И тут зазвонил телефон.

Я тупо смотрел на экранчик, потом нажал «принять». На экране появилась Маринка... она, как и все современные подростки, предпочитает видеозвонки. Обычные для нее – не круто.

– Па...

– Как ты?

– Нормально...

– Что у вас там за музыка играет?

– Джей Хинкл.

– Кто?

– Ты не знаешь. Откуда ты звонишь?

– Я в Броварах...

– Что у тебя за темнота...

– Просто у нас ночь.

– Как ты?

– Нормально. Как мама?

– Все о'кей...

Да нет, не о'кей. Я это знал. Я даже не пытался ей звонить.

– Па...

– Да.

– С тобой все в порядке?

– Да. Как и всегда.

– По виду не скажешь...

– Внешность бывает обманчива, – заявил я. – Парень уже есть?

– Па...

– Что?

– С отцом такое не обсуждают.

– Почему, обсуждают. Так есть или нет?

Моя дочь. Когда все это произошло – она была в таком возрасте... что смогла меня простить. Ирине это далось сложнее. Ирина не простила...

– Помнишь Катю Винниченко? – аккуратно съехала с темы. Моя дочь. Моя кровь.

– Да.

– У нее квартира рядом с нашей. Мы теперь подруги...

– Она в Лондоне?

– Да, уже давно.

Ну-ну... Олежку Винниченко я знал еще с той поры, когда он был депутатом Рады. Потом он опять стал депутатом Рады, но уже от другой партии. Потом его назначили главой антикоррупционного комитета. Потом...

Ну, думаю, вы понимаете, что произошло потом.

Гнида люстрированная. Или люстрованная. Как правильно?

Наверное, люстрированная. Люстрованная – это когда люстра на голову. Хотя они люстру-то заслужили...

– Ты с ней дружишь?

– Ну... больше тут и не с кем. Па... с тобой точно все в порядке?

– Да. Все отлично.

Маринка внезапно посерьезнела.

– Па... ты с мамой говоришь?

– Нет. А надо?

...

– У нее появился кто-то?

– Нет. Просто...

Да нет. Ничего простого тут нет.

– Па, я хочу, чтобы ты прилетел.

– Ты же знаешь, что ничего хорошего из этого не выйдет.

– Я поговорю с мамой.

– И не пытайся. Давай дождемся, когда ты получишь загранпаспорт и прилетишь ко мне.

– Здесь нет загранпаспортов.

– Тогда – просто паспорт.

Маринка помолчала...

– Па...

– Что?

– Я... не должна тебе это говорить, но, кажется, у нас проблемы с деньгами.

– Почему ты так решила?

– Подслушала разговор мамы. Она говорила с подругой, что они не имеют права и надо нанять адвоката. И еще... – Марина помедлила, – в школу приходили какие-то люди... меня вызывали в кабинет супервайзера. Расспрашивали о том, знаю ли я, как мы живем, поддерживаем ли связь с тобой, получаем ли от тебя деньги. Па... они называли твое имя. Здорово... Ах, как здорово.

Ну, конечно, другого ожидать просто глупо. Англичане, американцы, европейцы – все потеряли на Украине огромные деньги. Не выиграл никто. Но это вам не Россия. И заблокировать счет, а то и списать все в пользу государства могут запросто, по одному только подозрению, что деньги нажиты преступным путем. И ничего ты с этим не сделаешь, и никому ничего не докажешь. Британо-американская система права намного зубастее нашей, и стоит только попасть в нее – уже не вырвешься. Почти никаких гарантий и сдержек в ней не предусмотрено – считается, что честному человеку бояться нечего.

Но прийти в школу к Маринке... тут они борщанули. Борщанули, борщанули. Настолько, что мне захотелось показать им, что такое террор. Настоящий, а не тот цирк с конями. Так, чтобы холодным потом по спине прошибло. Чтобы навеки память осталась.

Страх – это хорошо. Страх способствует тому, чтобы благие намерения так и оставались намерениями, а не перерастали во что-то большее.

– А что ты им сказала?

– Я их послала.

Я хмыкнул.

– Зря. Запомни правило: если тебя заставили поклониться, поклонись очень и очень низко. И помни об этом до тех пор, пока не придет случай отомстить. А потом забудь.

Да. Наверное, это не стоит знать взрослеющей девочке в

семнадцать лет. Не стоит. Но кто знает... Ирина уже воспитала сына, как хотела и как смогла. А виноват в произошедшем, конечно же, я.

– Па...

– Что...

– Скажи, что ты нас любишь.

Подлиза...

– Я вас люблю. Где бы вы ни были, я все равно вас люблю. Люблю, как никого не любил в жизни...

Я так и не сказал ей то, что должен был сказать. Что ее брат жив.

Не осмелился...

Утром я обнаружил себя спящим на ступеньках дома. Я так и не открыл дверь, все тело болело не по-детски, ныла спина... все ныло.

Делать нечего – пошел в баню. У меня их три. Черная, русская, обычная дровяная и электрическая, та же самая, какие устанавливают в квартиры в скандинавских странах. Топить не было ни сил, ни времени – потому пошел в электрическую. Застуживаться мне опасно в моем возрасте, поэтому надо согреться. Чем я и занялся, сидя на жаре и периодически пуская пар в сотню с лишним градусов с ароматом лаванды...

Пропарившись, я приготовил себе какой-никакой завтрак из консервов, съел. Потом достал новый, еще не юзанный стартовый комплект мобильного интернета, ноутбук и по-

ехал на берег Киевского моря.

В компании с малолетними рыбаками, тягающими из воды рыбешку, я подключил ноут к интернету, вышел в Сеть и занялся делом...

Примерно через три часа я отключился от интернета и посмотрел на заметки, которые у меня получились в результате долгого серфинга по его мутным и беспокойным водам.

Итак, чтобы все понимали – юридически Украина еще существует, но фактически нет. Она разделилась на Новороссию, в которой декларировано стремление идти к России с самоопределением вплоть до присоединения, но ни Россия не спешит подсоединять эти территории, ни сама Новороссия не спешит присоединяться. В Новороссию входят Харьковская, Донецкая, Луганская, Херсонская и Запорожская области. Далее идет международно признанное правительство Украины в Днепропетровске, его власть распространяется на три области – Днепропетровскую, Николаевскую и Одесскую. Но в Киеве этого правительства нет, потому что в Киеве русские войска. В Киеве работает правительство национального спасения, которое работает ни хорошо, ни плохо – лучше, чем предыдущее, но хуже, чем могло бы работать. Помимо прочего правительство национального спасения висит на нашей шее. Это можно считать чистым выигрышем Запада – раскололи Украину, создали долговременный источник нестабильности и поставили нас перед выбо-

ром – международно признанное, но ненавидящее нас правительство, либо не признанное, но висящее на нашей шее. Мы выбрали второе, хотя ни один выбор правильным не был.

Кроме того, есть Западно-Украинская Народная Республика в составе Львовской, Ивано-Франковской, Тернопольской, Закарпатской, Волынской, Черновицкой областей. Правительство национального спасения не признает его, международно признанное правительство тоже не признает, но ни одно из правительств ничего не делает, чтобы уничтожить ЗУНР. Сама ЗУНР в растерянности, потому что, если бомбят и идут танки, понятно, что делать, а если просто не замечают – тогда что? Европа их тоже не признает, у Европы свои планы, так что шенген им там не светит.

Идет ожесточенный позиционный торг, причем главным игроком на всех досках является Москва. Но все правительства – и новороссийское, и киевское, и днепропетровское – интригуют против друг друга и пытаются заручиться поддержкой Москвы. И при этом все строят глазки Западу, потому что понимают – не дело, когда признали только Беларусь и Никарагуа, должны признать все. Или хотя бы большинство, как в случае с Косово.

Новороссия хочет сохранить статус «нашего бастиона на Украине», но это значит, что им в принципе невыгодна договоренность ни с Киевом, ни с Днепром. Продолжение конфликта – единственная гарантия, что их не сдадут. Киев не может декларировать иного, чем полное восстановление

Украины в ее границах, но тем самым он становится противником всех остальных игроков, и при этом он может рассчитывать только на помощь России, потому что больше ни на чью помощь рассчитывать не может. Днепр тоже не может публично говорить ничего иного, кроме как «мы за Едину», но на деле ему не хочется упускать столичный статус, ему не хочется перебираться в Киев и снова отвечать за всю страну целиком, ему хочется быть единственным получателем помощи Запада, и они понимают, что свой «маленький Израиль» они смогут построить только в пределах одной-двух областей, но не всей Украины. ЗУНР хочет присоединиться к ЕС, НАТО и шенгену, но при этом не хочет признавать над собой власть Киева и не хочет рисковать с восстановлением единой, централизованной и сильной власти. Но понимает, что без единой страны шенгена не будет.

Вот это и есть мирная, до 2014 года сонная страна, которая своим майданом привлекла внимание крупных геополитических игроков.

Ну, шо? Понад усе?

И корень всего, похоже, действительно в Днепре. Если Днепр, скажем, присоединяется к Новороссии, то делить украинское наследство будут на его основе, а ЗУНР останется в одиночестве. Если же Днепр качнется на Запад...

Почему его не взяли тогда? Нет, я подозреваю почему, но...

Решили взять измором? Тогда о чем все происходящее?

Говорить о чем-то не хочется. Смысла нет. Просрали страну. Назначали на должности послов черт-те кого. После 1991 года мы почему-то решили торговаться о судьбе постсоветских республик с Западом, вместо того чтобы планомерно наращивать позиции в этих республиках. Вот и просрали все, что можно. Можно было бы работать с элитами, предлагать гранты, учить военных, создать что-то вроде оборонительного союза. Хотя нет... это создали, но было уже поздно.

Кто убил Гонгадзе? А ведь с этого все началось. Вы знаете? Я – нет. А должен был бы. Кто убил Захарченко? Кто убил Кирпу? Кто убил Чорновола? Все эти политические убийства, точнее, правда о них могла бы быть козырем в наших руках, могла бы держать украинские элиты на коротком поводке.

Но мы не знаем.

Как получилось, что потеряли контроль над главным городом – Киевом? Почему не открыли там русский университет? Как могли допустить функционирование Могилянской академии – сборища самых отъявленных русофобов?

Но во время каденции Осипа ошибки стали совсем аховыми.

Для чего держали эту идиотскую цену на газ, подписанную еще противником Осипа, женщиной с косой. Понятно, что Осип не мог ее отменить, там конкретные интересы задействованы были, а мы чего молчали?

Почему за три года так и не вышли на новый Большой

договор, так и не попытались. Посему снижение цен на газ произошло перед самой «революцией гидности», когда было уже поздно. Почему не поддерживали правительство Боброва, русского, и не создали никакого противовеса Осипу...

Я ведь был здесь в то время. И не я один. Проекты, которые мы отправляли в Москву, были вполне взрослые, например, создание что-то вроде Интерпола, но для стран СНГ, единой полицейской структуры. Через эту структуру планировался аккуратный заход силовиков и начало охоты на олигархов. Почему не дали ход юридическому оформлению трансграничного сотрудничества с созданием конгломераций типа Ростов – Краснодар – Донецк – Луганск, Крым – Краснодар – Ростов и Харьков – Белгород – Москва?

Все похоронили, и все пох...и. Ради цены на газ – самой высокой в Европе.

Собственно, поэтому я порвал с органами на какое-то время. И помогал Новороссии, пока не нажил врагов и там. Как-то не совмещались в моих циничных мозгах строительство нового государства с распилом и отжимом. Смысл строить новое, если оно такое же, как и старое?

Надо идти в Днепр. И разбираться там.

Вариант, по сути, только один – в одиночку и через бизнес. Бизнес – это то, чем я научился заниматься как побочной деятельностью, как прикрытием, но потом это стало основным. И сильно прочистило мозги. Занимаясь бизнесом, ты организуешь людей, имеешь свободные деньги, транспорт

и много чего еще.

В Днепре меня знают. Но как с хорошей, так и с плохой стороны. Всем известно, какую роль я играл при Осипе, но известно и то, что я со скандалом расстался с Новороссией, точнее, с теми, кто там рулил. И не просто со скандалом, а с публичным скандалом.

Так что получается, я свой среди чужих и чужой среди своих.

Направление? А продукты питания, что тут выдумывать. Связи есть, а жрать хотят все. Дистрибьюторские контракты я быстро наработаю.

Достал телефон, набрал номер, прямой. Не ответил.

Ах да, у меня же симка левая. Второй акт Мерлезонского балета...

– Ты звонил только что?

– Я.

– Что придумал?

– Два условия. Первое – я работаю так, как считаю нужным. Прикрытие также разрабатываю и реализую себе сам. Денег мне не надо, скорее треба помочь с документами.

– Сделаем. Еще?

– Амнистия. Или помилование... не знаю, как сделаете. Вид на жительство, документы – в общем, все по полной программе. Для всех, на кого укажу.

– Хе... ты так Моисеем заделаться решил?

– Сорока лет у нас нет.

На другом конце провода голос стал серьезным.

– Да. Может, и сорока дней нет. Итак?

– Работаем. Только если ты нам выставляешь условия, мы тебе тоже выставим.

– Говори.

– Ты не работаешь на нас. Мы предоставляем тебе прикрытие. Но если это будет нужно или выгодно, мы тебя сдаем.

– Сань, – усмехнулся я, – это разве условие? Когда-то было по-другому?

– Мое дело предупредить. План предоставишь?

– А сам как думаешь?

– Тогда на деньги не рассчитывай.

– Деньги мне не нужны. Просто с людьми меня сведи. А дальше я сам.

– С какими людьми?

– Не по телефону. Я подъеду, конкретно обрисую.

– Подъезжай.

– Все. До связи...

Я выключил телефон, задумался. Конечно, СБУ мной заинтересуется, а как иначе. Но отмаз у меня есть. Главное – никогда мы не действовали так, как собираюсь действовать сейчас я. Никогда.

И, возможно, это единственный шанс прорваться...

И что-то исправить. Если это еще возможно...

Поезд Киев – Днепропетровск.

7 июня 2019 года.

Продолжение

...Несмотря на то что крыша моя, надо сказать, «текла», иного повода закрепить в Днепре, кроме как открыть филиал своей конторы по торговле всем съестным, я не нашел. Это нормально для бизнесмена – стремиться к расширению своего бизнеса. И это лучшая крыша для разведчика – бизнесмен имеет деньги, бизнесмен имеет офис и складские помещения, бизнесмен встречается с людьми, бизнесмен ищет клиентов... в общем, любые контакты залегендировать проще простого. Дальше начинаются сложности...

Они, собственно, с самого начала начались, еще до того, когда я в город прибыл. Сюда ходил поезд «Хюндай», скоростной, и когда он уже подходил к Днепру, вдруг стукнуло по стеклу, кто-то закричал и началась самая настоящая паника. А я бросился на пол одним из первых, столкнув с сиденья и соседа... точнее, соседку, потому что такое я слышал не раз и испытывать на себе воздействие автоматной пули не собирался.

Поезд дернулся... я подумал – триндец, сейчас стоп-кран сорвут и без суеты и спешки нас тут всех оприходуют... или не всех, но сколько смогут. Но нет, после рывка поезд, уже замедлявший ход, снова начал ускоряться, унося нас от автоматчика и щедро раздаваемой им смерти...

– Лежи...

Сам я приподнялся, осмотрелся... кажется, все. Кто-то ругался, интересно, раненые есть? Или пронесло...

– Можно...

Первое, что я заметил, были глаза. Просто огромные. Я не буду говорить глупости типа «утонуть можно», утонуть тут в любом месте можно, не страна, а болото, но все равно очень, очень красивые глаза. Постепенно заметил и все остальное – черные волосы, мордашка как у рисованной мультяшной героини японских аниме. Легкая ветровка и джинсы – дешевые, но чистенькие. Следит за собой барышня и не подставляется лишний раз, если тут разгуливать в платье, да еще в коротком, нарвешься на неприятности.

Я протянул руку, она помедлила, но ухватила за нее...

Существует много способов заставить женщину обратить на себя внимание, я начинал с некой демонстрации. Несмотря на то что одевался я максимально незаметно, чтобы не выделяться из толпы, я носил золотые часы «Роллекс Сабмаринер». Тут таких полно на любом развале, рекламируются, что у них якобы швейцарский механизм – на самом деле дешевая Япония. Но эти были настоящими. Я их носил на случай неприятностей, если придется расплатиться за что-то и просто потому, что состояние мужчины определяется по двум вещам – обуви и часам, а так как из обуви для дальних поездок я предпочитаю тренировочные кроссовки, остаются часы. Второй фишкой был мобильник – «Блекберри», я его

не всегда брал с собой, но сейчас он был при мне. И когда я подал руку, часы были явственно видны.

Она на часы даже не взглянула.

– Испугались?

Она снова помедлила, перед тем как ответить.

– Нет.

Ну-ну. На вид лет двадцать пять – тридцать, сумочка «под Прада» с киевского рынка, бижутерия дешевая, но подобрана хорошо. На девочку из клуба не похожа, что удивительно. Одета примерно так, как тут одевается средний класс, то есть Китай или нонеим Восточная Европа.

Не окольцована.

Поезд шел уже в городской черте. Дальше по вагону ругались, проклинали бандитов, власти в Киеве, кажется, и Путина тоже проклинали. Здесь это нормально. Половина из тех, кто сейчас попал под обстрел, при случае даст тому же автоматчику укрытие в своем доме. И ничего такого в этом не увидит.

А потом снова попадет под обстрел и будет проклинять.

Кого-то поднимали с пола.

– Вы не поможете?

– Нет, – я покачал головой.

– Почему?

– Во-первых, я не врач. Во-вторых, помощник из меня тоже, откровенно говоря, скверный...

Картинки из прошлого.

Киев, Украина.

Конец октября 2013 года

Сложно признавать свои ошибки. Проще говорить об ошибках других. Сейчас, оглядываясь назад, я примерно могу вспомнить, с чего все начиналось... но тогда никто ничего подобного не ждал. Никто не ждал, что потеряем Киев, а затем и всю Украину. Тут много факторов сработало... уже готовый и находящийся в Киеве, на Крещатике, или Хрещатике, как тут говорят. протестный электорат, – палатки юльков², немного, но они были, причем были тут все то время, пока мадам бывший премьер-министр находилась в заключении в харьковской колонии, причем находилась там она в специально построенной для нее камере и с прислугой, как настоящая воровка в законе. Видимо, механизмы массовой протестной мобилизации последовательно отработывались сначала на деле Макар³, потом на Вradiевке⁴. Доба-

² Юльки – сторонники Юлии Савченко.

³ Убийство Оксаны Макар – в ночь с 9 на 10 марта 2012 года трое молодых людей изнасиловали 18-летнюю Оксану Макар, затем душили ее, после чего, в попытке скрыть следы, вытащили в бессознательном состоянии на соседнюю стройку, облили бензином и подожгли. Тем не менее жертва оказалась жива и скончалась только 29 марта в Донецком ожоговом центре. Преступники – один оказался сыном богатого человека, другой – сыном бывшей главы администрации района, их отпустили и повторно арестовали только после массовых митингов. Меры наказания впоследствии – пожизненное, 15 и 14 лет л/с. По данным социологов, о деле Оксаны Макар слышали 91 % украинцев, были статьи в ведущих газетах

вило накала ситуации и назначение главой киевской городской администрации Попкова, а премьером страны – Боброва. Оба были русские, и обоих потом сдаст Осипович, сдаст легко, как отыгранные карты, не понимая, что малой кровью уже не откупишься, а большую он проливать не хотел. На протяжении премьерства Боброва и мэрства Попкова обоих травил, как мог, киевский свидомый бомонд – журналисты, политтехнологи, пиарщики... в Киеве такой швали было навалом, причем все как один европейски ориентированные, прорусски почти не было, одинокие их голоса терялись в свидомом гвалте. И тот и другой держались на свои постах по украинским меркам долго, что добавляло масла в огонь.

И взрывная ситуация сложилась при том, что к «Евро-2012» привели в порядок пять аэропортов, дороги, Попков привел город в относительный порядок, были закуплены автобусы, решены наиболее неотложные инфраструктурные проблемы, заговорили о скором начале строительства очень нужной Киеву четвертой ветки метро до Борщагов-

мира и массовые протесты. В связи с этим делом появились требования вернуть в УК Украины смертную казнь.

⁴ В ночь с 26 на 27 июня 2013 года группа сотрудников милиции Врэдиевского РОВД Николаевской области совершила изнасилование и покушение на убийство 29-летней Ирины Крашковой. Были предприняты попытки «отмазать» виновных, в том числе организатора – капитана милиции Дрыжака, что привело к митингам и массовым беспорядкам в различных городах Украины, маршу на Киев, разъяренная толпа пошла на штурм Врэдиевского РОВД. Дело Врэдиевки дало понять, что обстановка в обществе крайне взрывоопасная, а обстановка с законностью угрожает самому существованию государства.

ки, запуске законсервированных станций, таких как Львовска Брама. Деньги из украинской промышленности вымывались, прежде всего, высокими ценами на газ, но переговоры подспудно шли и вот-вот должны были увенчаться успехом. То, что Осипович готовит «финт ушами», в киевской политтусовке не скрывалось с лета, тогда же начали торпедировать евросоглашение, которое до этого проталкивали два года. Все понимали, что за слив евросоглашения Осипович попытается выторговать цены на газ и какие-то кредиты. Обсуждали уровни цен и размеры.

Оппы – трехглавый змей – готовились к выборам пятнадцатого года, никак не могли выбрать единого кандидата и решили, что на второй тур пойдет тот из оппов, который наберет больше голосов в первом туре, а на первый они идут все вместе. Каневская четверка, издание второе, дополненное. Но в целом две тысячи тринадцатый – это жаркое лето, привычный уже летний тур на Мальдивы, не в Турцию, а на Мальдивы, лес кранов над Киевом, вялая брехня оппозиционеров, неуместное остроумие молодежи насчет «собаки с Крещатика»⁵, стрекот касс супермаркетов и мрии про европейский уровень зарплат. Никогда Украина не жила так богато, как в этом, две тысячи тринадцатом, году...

⁵ Осенью две тысячи тринадцатого года в Киеве нашли коричневую беспородную собаку на Крещатике. Кто-то догадался сравнить морду собаки с лицом В. В. Путина, сделать фотошоп и запустить в интернет. Продолжительность и периодичность информационных волн, размах кампании и точно подгаданное время наводит на мысль, что это остроумие было не случайным.

Что касается меня, то я в том году окончательно ушел из семьи. Есть такое слово – «неудобно». Неудобно жить в одной квартире фактически с чужим человеком. Неудобно делать вид, что вы одна семья. Неудобно каждый вечер изобретать причины, почему бы тебе надо задержаться в городе.

И я решил, что дальше жить «неудобно» я не хочу. Просто потому, что жизнь одна.

Из детей легче всего это восприняла, как ни странно, Маринка. Она была еще маленькой, училась в сто пятьдесят пятой спецшколе, но почему-то из всей семьи мне проще всего удавалось найти общий язык именно с ней. Еще ранней весной, когда я ее подвозил до школы, она вдруг сказала: пап, найди себе кого-нибудь и не мучайте друг друга.

Вот такие вот у меня дети...

Что касается Вячеслава, то с ним мне общий язык найти так и не удалось. Мать пристроила его в Могилянку, откуда он благополучно ушел, и сейчас работал менеджером в салоне по продаже сотовых телефонов. Сказать, что для своего сына я хотел именно этого...

Но влияния на него я не имел никакого.

Что касается бизнеса, то он шел... отвратненько он шел. Крыша, которая у меня была год назад – причем какая крыша, – больше ее не было, а без крыши бизнес вести нельзя ни в Киеве, ни в Украине вообще. Самое удивительное, что здесь беспределом занимаются не столько чиновники и менты, сколько олигархи. И за крышу часто берут именно они.

Саша Стоматолог⁶... имело место такое явление, но по сравнению с... – это детский сад. Короче, я переводил операции в Харьков, так как там у меня еще оставались контакты, и готовился при необходимости уходить в Россию, а деньги потихоньку отправлял в Англию. Крыши на уровне Банковой у меня не было, и мой бизнес был теперь сладким и сочным апельсином – подходи, дербань.

В этот день мне позвонил Алекс. Назначил свидание. Нет, не в том смысле... хотя тут к этому терпимее относятся. Он был русским, работал сначала в СБУ, потом консультировал УГО, управление госохраны. Профессионал, прошедший Чечню, здесь таких мало, Украина – это тихая заводь. Сейчас оттерт на обочину и числился старшим опером в СБУ АР Крым. Но почему-то оставался в Киеве...

Встреча была в тире, и это было не случайностью. В тире можно не опасаться прослушивания, стрельбы не выдерживают жучки. Вообще в Киеве ситуация с прослушкой была аховой, слушали все и всех. Базы не слишком свежего компромата можно было купить на базаре как семечки, а более серьезная информация продавалась уже за другие деньги. Главным источником компромата было СБУ, где все зарабатывали на пенсию...

Тир был небольшим. Подземным. Спустившись туда, я взял «беретту», надел наушники и прошел на огневой. Так-

⁶ Один из сыновей президента, отжимал бизнесы, чем входил в конфликт с олигархами. Стал притчей во языцех как пример коррупции.

то у меня «стечкин», левый, и мне он нравится куда больше – длинный ствол, емкий магазин и приличный вес, позволяющий четко контролировать оружие при стрельбе. Но «макаровские» патроны достать было сложнее, чем «парабеллум», и стоили они вдвое дороже...

Алекс был уже там, стрелял из такой же «беретты». Я зарядил, вывел мишень на предельное расстояние – тут это двадцать пять метров, сделал серию выстрелов. Немного смазал – давно не стрелял...

Алекс в быстром темпе выпустил два магазина, после чего все слухачи, если они были, точно оглохли. Положил пистолет, подогнал мишень. Центр – сплошная дыра. Ну, из короткого он всегда меня обходил.

Я тоже снял наушники. Привычно стукнулись кулаками.

– Сам как?

– Норм.

В свое время мы вместе служили. Потом разошлись. Потом наши дорожки снова сошлись, я устроил ему встречу с нужными людьми, и именно потому он попал сначала в СБУ, потом и в УГО. Теперь мы оба были в немилости. У Осипа нет понятия «профессионал». Человек либо свой, либо не свой. А свой – это тот, кто подгоняет больше денег. И при этом они настолько отморозились, что вырывают кусок даже у своих...

Но по-настоящему своими мы не были.

– Семья?

– Не сыпь мне сахар на...

– Понял.

У Алекса тут появилась семья. Впрочем, здесь это не сложно – украинки красивые, а мужики все працуют – выбор есть. Правда, по слухам, и у него было на этом фронте не все в порядке. И я понимаю почему. Таких, как мы, трудно принять.

– Ты в Харьков, я слышу, собирался.

– Есть такое.

– А потом в Москву?

– Если получится.

– Хорошо, чтобы получилось.

Алекс достал из своего телефона карту памяти.

– Тогда передай. Ты знаешь кому.

Помедлив, я взял.

– Что там?

– Посмотри... код ты знаешь. Они совсем о...ли...

– Помощь нужна?

Я внимательно смотрел на своего старого друга и вспоминал. Код – это, конечно, тридцать один – двенадцать – девять – четыре. Дата первого штурма Грозного. Он там был, в самом пекле. А я – нет, я тогда только прибыл в Ханкалу, заходил второго. Или, как тогда говорили, тридцать третьего. Тридцать третьего декабря жуткого, никак не кончающегося года...

И было-то нам тогда...

А ведь двадцать лет прошло. Двадцать долгих лет, в этом году годовщина. Как мушкетеры – двадцать лет спустя.

Видимо, Алекс подумал о том же самом... мы вообще хорошо понимали друг друга – почти всегда без слов.

– Двадцать лет почти... – сказал он.

– А ума все нет.

Он сплюнул, что в тире, в общем-то, делать было не комильфо.

– То-то и оно. Эти б... доиграются до того, что тут Грозный будет. В Киеве или... в Севастополе...

Меня в тот момент передернуло. Тот, кто прошел через Грозный, через Минутку, шутить этим не будет.

– Сань. Ты чего?

– Эти идиоты намереваются сорвать выборы. И для этого они хотят спровоцировать повторный Майдан...

Просмотрел информацию я по дороге в Харьков, скоростным поездом. Почему-то люблю ездить поездом, а тут и расстояния не такие, как в России. От увиденного в буквальном смысле встали дыбом волосы...

Передо мной был детальный план, разработанный некой фирмой «Альтернатива-2000» (фирмам, в названиях которых есть «-2000», «-м», еще какая-нибудь буква через тире, я не слишком доверяю), который предусматривал контролируемую дестабилизацию в стране через инициацию повторного Майдана.

Прежде всего констатировалось, что действующий прези-

дент страны при переизбрании практически гарантированно проигрывает любому вменяемому кандидату. Конечно, не с таким страшным результатом, как его предшественник, — пять процентов голосов в первом туре, но проигрывает с гарантией. В то же время отменить выборы и ввести чрезвычайное положение признавалось нежелательным, так как это могло привести к разрыву отношений с Европой и срыву важнейших экономических соглашений. Упоминался так называемый «энергомост» — на этом моменте я понял, кто заказал доклад. Я все-таки кухню знаю. Энергомост — это полусекретный проект между российскими энергетическими компаниями и группой украинских олигархов, владеющих энергомощностями. Изюм тут прост — ЕС ведет борьбу с российскими энергопоставщиками за независимость и выкатывает дискриминационные условия, в то же время с Украиной отношения хорошие. Вот и придумали, благодаря тому, что у нас еще со времен СССР осталась единая энергосистема, сделать следующее. Россия поставляет энергию на Украину, и Украина, сама, кстати, энергоизбыточная, закупает российскую энергию, а свою поставляет в ЕС и за счет ее оплаты (в евро) перечисляет долю России. Все довольны, все гогочут. Но тот проект нереализуем, если в Украине отменят выборы. А судя по тому, что в проекте поставлено условие: выборам быть, — заказчикам это неприемлемо.

В связи с чем необходимо спровоцировать Майдан. Для чего не ранее осени тринадцатого планируется совершить

какое-то резонансное преступление и дальше вывести людей на улицы. То есть устроить в центре Киева второй Майдан с политическими требованиями. Главным среди этих требований должно было стать освобождение политзаключенной Юлии Савченко, в настоящее время отбывающей срок в Харьковской колонии.

После какого-то периода противостояния президент идет на уступки и выпускает Савченко. После чего начинается жесткая предвыборная борьба между Савченко и нынешним оппозиционным триумvirатом. Изюм тут был в том, что триумvirат – все как один политические крестники Савченко, происходят из ее партии. И Савченко сидит в тюрьме, в том числе и с их согласия, а они делят ее политическое наследство. После того как Савченко выпускают, ломается схема оппозиции, предполагающая, что на выборы идет триумvirат, а во второй тур идет тот, кто больше всего набрал в первом и почти гарантированно получает власть. Согласно плану, во второй тур выходит Савченко, после чего «сливает» в обмен на должность премьер-министра. Занавес. И демократия соблюдена, и...

Был у этого плана и второй аспект – экономический. После выборов планировалось начать широкомасштабный передел собственности в Украине. И начать с тех олигархов, которые поддержат это новый Майдан, а поддержат едва ли не все, это я точно знаю. План – напустить на них бывшего премьера Савченко с ее бульдожьей хваткой, беспрецедент-

ным цинизмом, живучестью и жадностью. Она не остановится, не пожалеет, она из глотки вырвет. И наградой для нее планировали дать Днепропетровск. Ее родной город...

Итог – выборы выиграны, оппозиция перегрызлась. Общественность ликует.

Но я видел в этом плане изъян. Даже несколько. Первый – взрыв может быть настолько сильным, что снесет все на своем пути. По многим причинам. Первая – это зависть, где-то с середины нулевых траектории России и Украины отчетливо разошлись, создать хоть какое-то подобие общества среднего класса в Украине не удалось. Разрыв виден невооруженным глазом – даже в Киеве, например, многие не могут позволить себе жилье в ипотеку, живут в съемном – просто нет денег на первоначальный взнос. Все еще роскошь иномарка – здесь парк машин составляют в основном советские машины и машины из девяностых, которые сплавляли сюда по дешевке. Я даже знаю как – вместо утилизации, именно тогда проявились очень дешевые машины. Если в России покупают загородный домик в ипотеку миллиона за два-три, то тут покупают хату, едва не по окна вросшую в землю. Но покупают, на Украине тот, кто владеет землей, – «господарь». И эта зависть, на самом деле вкупе с не слишком умной политикой Москвы и не слишком-то вежливым российским обществом, дает о себе знать. А общение есть, происходит – в Киеве на майские не протолкнуться от российских машин, машин с российскими номерами. Кстати, обида тут искрен-

няя, явная, почти детская: как вы смеее жить лучше нас, да, мы отделились, но Сибирь общая, и вы еще с нас смеее за газ такие цены драть. Как вы смеее жить лучше нас – вот то, что Украина хочет, но не может выкрикнуть в лицо России.

Это все жжет, на этом на всем спекулируют, и хуже того – на Украине до сих пор нет какого-то стержня, около которого можно было бы строить государство и нацию. Вместо этого – плакаты с обещаниями зарплаты семьсот евро после «вступу до ЕС». Детский сад, но в это верят. Причем искренне...

Еще и олигархи. Они здесь не то что в России, – здесь каждый из них владеет какими-то средствами массовой информации, сидит на информационных потоках и может влиять на политику весьма ощутимо. В целом они не испытывают друг к другу особой любви. Но Осип сделал немыслимое – он поссорился со всеми. Не допустить этого просто – надо кому-то дать, а кому-то не дать, и развернется грызня. Но Осип – то ли от жадности, то ли от глупости – не дал никому и ничего. И тем самым настроил против себя всех...

Второе – это полиция. Чтобы справиться с реальными, не проплаченными уличными протестами, нужна сильная полиция. А ее нет. Профессионалы ушли из органов. Осип не раз показывал, что органы он не уважает и прикрывать не будет. У него не было своего сильного человека в органах. А если органы дадут слабину, опереточная революция быстро превратится в настоящую.

Третье – это сам украинский политикум и конкретно Са-

вченко. Это не те люди, которые будут «держат» договоренности. Если Савченко почувствует запах крови, она моментально озверевает и забудет про Днепр – всем нужен Киев. Если про план узнают (или уже знают) трехголовые, они пойдут ва-банк. А они могут знать. Если знает Алекс, то могут знать и они. Среди окружения Осипа недовольных, обиженных много.

И последнее. Я все-таки знал Киев. И знал настроения в городе. Киев закипал. Мелкие митинги – из-за застроек, например – моментально превращались в крупные. Играть в таком городе с огнем – смерти подобно...

Но и другого выхода, как я понимал, не было.

Прислушался к себе... нет, всё. Одно время я был настолько вхож, что сидел за столом. Президент Украины был не так плох, как о нем говорили. Просто у него не было... инстинкта государственного деятеля, что ли. Хитрость была. Жесткость была. Инстинкт выживания был. А вот понимания того, что должен делать государственный деятель, не было.

И еще. Он слишком легко сдавал людей команды. Слишком легко сдавал своих.

Как сдал и меня...

В Харькове я встретился по делам. Дальше провел встречу с курьером и передал ему информацию. Ночью она будет в Белгороде.

Завтра – в Москве...

Днепропетровск.

Региональное отделение ЛДПР.

Вечер 7 июня 2019 года

В Днепре меня встречали.

Одной из крыш российских представительств в/на Украине были представительства партии ЛДПР. Тема не новая, то же самое было в Приднестровье. Под крышу ЛДПР прописывались прибалтнненные ухари, в том числе и местные, через нее можно было получить российский паспорт за деньги, а в некоторых случаях и за так, прописанные под ней осуществляли физическую защиту наших интересов в том случае, когда в защите наши интересы нуждались, а вежливых людей пускать в ход было рано. Короче говоря, Америка с ее легальной и нелегальной резидентурами, выглядящими тут как «Баба Яга в тылу врага». Ну и накладки иногда случались.

Телефон звякнул, когда поезд только тормозил, и, сойдя с поезда, я почти сразу наткнулся на невысокого пацана в кожаной куртке, джинсах и тяжелой армейской обуви. Голова его была обрита наголо – здесь это признак опасности, это может быть нацгвардеец или правосек, сббивший оселедец, их можно узнать, как и чехов, – там, где голова недавно голая, остается белое, незагорелое пятно, и это заметно. Но

этот побрился давно.

– Привет, – сказал он, – ты Кабан?

– Ага.

– Хохол. – Он протянул руку. Рука была твердой и жесткой, но мозолей на ней не было и костяшки целы. Стрелок.

– Приятно познакомиться.

– Ты один?

– Ага.

– А шмот?

Я потрянул сумкой.

– Всё.

– Тогда двинули. Пока тачке ноги не приделали...

Вместе мы вышли на площадь, в Днепре прямо напротив вокзала начиналась большая стоянка для машин. Сейчас большую ее часть занимал стихийный рынок, ларьки выросли и по обе стороны вокзала, и все это напоминало старый добрый Казанский в те времена, когда я был маленьким, а деревья были большие, и мы с матерью ездили с него к бабушке. Все та же толчея, хаотически движущиеся люди, нищие и бомжи, развалы с газетами и журналами, разномастные палатки, дым и запах жирного, горелого масла, крики, шум, ларьки с палеными дисками, всяким китайским барахлом, ножами, которыми можно запросто голову отчекрыжить, фонариками, местный колорит – военной формой и снаряжением, по Москве я такого не припомню. Люди одеты разномастно, бедно, в основном Китай. Много торговков

с огромными, обклеенными от воров скотчем в несколько слоев сумками, с тележками-кравчучками. Выделяются те, кто в военной форме, – видно, что люди их сторонятся, даже стоять рядом с ними не хотят. Там, где они стоят, моментально образуется невидимый кокон пустоты.

Почему я это хорошо понимал, еще в Киеве навидался. Для правосеков, самооборонцев, нацгвардейцев те, кто живет мирно, кто не участвовал в войне, – такая же вата, только говорящая по-украински. Они уже и не скрывают, что ненавидят их – простых украинцев, перенесших на своем горбу, на своем брюхе всю тяжесть безумных лет. Они голодали, мерзли, оплачивали ЖКХ по бешеным ставкам, отдавали по полтора процента от зарплаты на нужды АТО, эти деньги разворовывали. Бизнеры платили больше, правосеки ходили открыто, вешали наклейки на двери – это место находится под защитой. За отказ платить могли избить, ограбить, убить. Радикальные политики собирали не менее рьяно, те, кто отказывался платить, объявлялись москалями, их могла сунуть в мусорный бак озверевшая кодла нациков, а потом тут же, по горячему, заставить писать бумагу на отказ от имущества, от бизнеса... все что нужно. И во всем этом безумии, в круговерти перемог и зрад как-то жили нормальные люди, которым надо было где-то зарабатывать, отдавать детей в школу, утеплять квартиру, думать, куда выехать, если пойдет совсем плохо... просто жить, в конце концов. Но те, кто вверг страну в состояние гражданской войны, кто щедро,

от души, полил украинскую землю кровью, все равно ненавидели этих простых и в общем-то безответных людей...

Когда мы заново готовились к оперработе на Украине, мы встречались с этническими украинцами, разговаривали с ними, расспрашивали – важно было понять, как нам стать своими, затеряться в толпе. Один из украинцев, который работал с нами, в ответ на вопрос, что ему бросилось в глаза, когда он переселился в Россию, коротко ответил – тишина. Тихо тут. Просто тихо. Просто живут люди...

Ладно... расчувствовался что-то.

– Обстреляли нас, кстати, в поезде, – поделился новостью я.

– Где?

– Да считай в самом городе.

– Бывает...

Мы вышли на площадь... бросился в глаза бронетранспортер «Росомаха» с украинским флагом на нем. Похоже, польская помощь. Неподалеку стояли две машины полиции, но в расцветке странной, не похожей на обычную полицейскую расцветку в Киеве. И новые совсем. «Шкода Рапид». Около одной из машин торчал полицейский, бросился в глаза его автомат – UMP-9. Неплохо тут живут...

– Туда не смотри, – негромко сказал Хохол, – срисуют. Понял?

Понял. Чего же тут непонятного...

Пиликнул сигнализацией джип «Гранд Чероки» не пер-

вой свежести...

– Садись...

Вот тут я вспомнил про незнакомку... подвезти бы ее. Но было уже поздно...

В машине пахло вонючкой, какой-то мерзкой, китайской, дешевой. На лобовом стекле – украинский флажок как символ благопристойности и патриотизма, из проигрывателя – Тартак. «Мий лыцарський хрест», довольно популярная у нациков песенка.

– Ты и вправду хохол?

– Русский. – Хохол завел мотор. – Батя хохлом был, а так я русский.

Мы вышли на дорогу... дорога тут странная была, меж полосами движения целый парк, считай, и трамвайные пути проложены. Мы продвигались вперед довольно агрессивно, постоянно напоминая о себе клаксоном и фарами.

Я смотрел по сторонам, пытаюсь понять город и определить его основные особенности, чтобы не попадать впросак. Бросалось в глаза, что деревья не вырублены – значит, не мерзли, как киевляне. Архитектура такая же, как в центре Киева, смешанная – досоветская, советская и новоделы. Много больше, чем в Киеве, рекламы, похоже, даже машин больше. На стенах нет следов от пуль, на машинах тоже – боев тут не было. Город с самого начала держала группа олигархов и мафии, столкновений они не допустили, но не знаю

только, хорошо это или плохо...

Людей тоже на улице побольше, правда, идут, как киевляне, – нервно. В России люди не так ходят, а тут доигрались с огнем, в общем.

– Как тут живут?

– Нормалек, можно сказать. Жрачка есть, свет есть, бензин есть. Типа порядок.

– А по факту?

– А по факту сам увидишь...

Мы пересекли мост через Днепр – один из двух, я тогда не знал, как он назывался. Свернули, потом еще раз. Въехали на территорию какой-то базы с глухим забором. У забора зеленела трава и стоял, сиротливо притулившись, банковский броневик, искореженный попаданием в моторный отсек из чего-то крупнокалиберного. Возможно, крупнокалиберной снайперской винтовки – мы ополченцев вооружили, а украинцы закупили крупную партию американских крупнокалиберных снайперских винтовок...

Вот так вот и пропадают люди...

Хохол припарковал свой автомобиль на пустой стоянке, а я положил руку в карман, где своей минуты ждал «глок-26». Есть у меня и запасной магазин к нему, и граната...

– Пошли.

– Тихо тут у вас... – сказал я.

Хохол обернулся, увидев, как я стою, рассмеялся.

– Не бзди. Ты ведь от деда Николы.

– Кому дед, кому и... привет.

– Пошли...

Наверху люди были. Какой-то гаврик сидел за самодельной, но хорошо сложенной стенкой из кирпичей с бойницей. Он-то и пропустил нас. Пройдя, я обернулся – у стены стоял, опираясь на сошки, новенький «ПКМ».

Стол. Стул. Зеленый квадрат пасьянса на экране монитора. Стоящий рядом у стены «ПКМ». Чумная реальность Украины, которую надо либо полностью принимать, либо полностью отвергать. Пытаясь разобраться в ней, сойдешь с ума.

Мы зашли в кабинет обычного вида, какие бывают кабинеты, отжатые у настоящих хозяев. Когда все чужое и ничего не жалко, просто нужно место, чтобы тусоваться и иногда привести кого-то. Хохол отодвинул стол, сел, ткнул в стоящий на столе ноут.

– Дед Никола говорил, ты из бизнеров?

– Есть немного.

– Двадцать пять процентов нам. Остальное твое.

– Двадцать пять процентов чего?

– Чего-чего. Лавешек, бабок, филок. Выручки, короче. Ты думаешь, мы будем твою прибыль считать?

Не то чтобы я удивился – в/на Украине это норма. Поразило, насколько беззастенчиво все это высказывается, причем своему.

– Не пережест?

– Нормально. – Со знакомой музыкой загрузилась Windows на ноуте. – Здесь все тридцатник башляют, и ничего.

Судя по всему, на моем лице не отразилось энтузиазма, потому-то Хохол принялся подробно объяснять:

– Думаешь, если ты от деда Николы, ты на шару проскочишь? Не, правила общие, своим только скидка. Здесь все башляют, по-иному нельзя. Пойми, нам надо организацию содержать. А это дофига. Тем забашлять и этим подмазать. Тут многие кушать хотят, начиная от городского головы и заканчивая последним мусором. И на все нужны бабки. У нас люди, техника, снаряга – мы людям помогаем. Если бы не мы, тут давно всех русских повырезали бы. Но бабки – кроме как с вас, богатых, – нам брать неоткуда.

– Я пока что не богатый.

– Два месяца даем на раскрутку. Это святое – мы не беспредел.

Ну, святого я тут видел мало.

– И что я за это получаю?

– Крышу. Всех, кто подкатывает, посылай в дупу. Ставь на стол Алекса – мол, за меня Алекс впрягается. Ментам тоже от ворот поворот – никакая шобла с тебя брать права не имеет, у нас за всех проплачено, генералам с вот такими погонами. – Хохол показал на плечах, с какими именно. – Если хочешь иметь хорошие отношения с районными мусорами,

можешь их там подогреть водярой, кофе или мешок гречки там дать. Дело твое, они, бывает, что и голодные, в натуре, если родственников много, а мент – он тоже человек. Но деньгами платить не вздумай, так ты и себе хуже сделаешь, и наш авторитет уронишь. Если кто будет возбухать, скажи – один момент, и звони нам. У нас в разных районах города есть точки, на них бойцы в полной боевой. Разборная бригада подскочит минут за пятнадцать, это десять-пятнадцать бойцов, за час будет уже пятьдесят, а если серьезная стрелка намечается, мы и тысячу соберем, все со стволами. Так что крыша конкретная, тут правосеки такую не дадут.

– И всё?

– А чо тебе еще надо?

– Пробить кое-кого.

– Пробить? Ну, можно сказать, что если обычная шобла, пробьем без вопросов, это в цену входит. Но если про солидных базар, тут расклады другие. Или за бабки, или можем вообще отказать. Ты, кстати, в блудняки не лезь, тут ДБК – фирма зубастая, америкосы сидят и пофиг еще кто. Можешь так влететь, что и мы не отмажем. Если, кстати, затримают⁷, тоже звони, у нас и юристы есть, и в судах подвязки, и в ментовке свои люди есть. Но опять-таки соображай. Если ствол на кармане, драка, пальба, когда не убили никого, вопросов нет, поможем. Но в тяжеляки⁸ тебе лучше не лезть. Или, по

⁷ Задержат (укр.).

⁸ Тяжкие преступления.

крайней мере, с нами посоветуйся, прежде чем творить не пофиг что. Мы подскажем.

– ДБК – это что?

– Департамент безопасности края.

– Даже так. А как же СБУ?

Хохол ухмыльнулся.

– А ты думал, если в Киеве работал, так всё за жизнь знаешь? Ошибаешься. Тут такое творится, ни в х..., ни в болотину. Сепары тут почище, чем в Донецке и Луганске, только умные, гады. Они на Киев, что тогда, что сейчас, клали с прибором, но не в открытую. А так... их устраивала только та ситуация, когда в Киеве кто-то из своих. Нет – от винта. А когда каша эта заварилась... они на словах первые украинцы, а по факту – собственную армию организовали, собственную полицию, через голову с амерами договаривались с китайцами, с турками. Одесса вся под ними, Николаев под ними... у них даже в Крыму подвязки есть. В Москве тоже. Думаешь, просто так амеры сюда ушли?

Я не сразу понял, что вопрос не риторический.

– Нет, конечно.

– Во-во. Тут беспилотники летают... иногда видим их. «Вертушки» тоже американские. В общем... сам видел.

– Амеров тут много?

– А ты в «Париж» выберись или в «Шоколад»⁹ субботним вечером, да сам и глянь...

⁹ Ночные клубы.

– А так они сидят где? В аэропорту?

– Нет. В Майском они сидят, там раньше аэроклуб был, на заводе, конечно. И в долгострое чего-то... колупаются... говорят.

Завод – это, конечно, «Южмаш». Было бы странно, если бы американцы не сели там. Да и сам завод хорошо подходит – изначально защищенная территория с пропускным режимом.

А долгострой – это, как я потом узнал, одна из визиток Днепропетровска. Шестнадцатизэтажная гостиница «Парус», построенная на самом берегу Днепра, ее строительство началось под занавес СССР, полностью возвели коробку, но на пуск денег уже не хватило. И все то время, пока существовала Украина как независимое государство, четверть века, ни у кого не нашлось денег, чтобы закончить эту бетонную махину... зато нашлись деньги, чтобы нарисовать на ней самый большой герб Украины. Тьфу! Сравнить это можно было только с громадной гостиницей в центре северокорейской столицы, тоже недостроенной.

– Говорят, от русских террористов защищают...

...

– Так кого тебе надо пробить?

Я достал телефон, там у меня были записаны данные.

– Давай свой.

Скинул через блютуз, Хохол посмотрел, скривился.

– Кто он?

– Бизнер. Знаешь что?

– Известная мразь. Он тебе бабки должен?

– Да.

– Много?

– Полтинник.

Ляпнул и сам пожалел, надо было тридцон сказать.

– Не тебе одному. Тут многие его ищут. Его, поди, и след простыл.

– А ты поищи...

– Долги – за тридцать процентов от суммы. В сложных случаях – пятьдесят.

– А этот случай какой?

– Этот сложный. Пока ты за этим шнырем угонишься, ноги до ж... сотрешь. Он много кого кинул.

Про себя подумал, что, если этого козла мне найдут, я с него реально пятьдесят стрясу.

– Добро. Только ты хорошо ищи.

– Само собой. У нас как в аптеке...

Я поднялся.

– Ну и добро.

– Э... насчет доли.

– А что – насчет доли?

– Двадцать пять?

Я покачал головой.

– Мужик, я тебе все объяснил.

Настала пора показать зубы.

– Мужики в промзоне норму перевыполняют. Ты сказал – тем, кто от деда Николы, скидка. Скидки не увидел.

Хохол какое-то время переваривал. Потом решил не связываться.

– И чо ты хочешь?

– Пятнадцать.

– Офигел.

– Твое слово?

– Двадцать.

– По рукам... – Я протянул руку. – Деловые у вас где селятся?

– Ну, на Титова попробуй, на Янгеля... – Хохлу явно не удавалось переварить метаморфозу. – А ты, кстати, кто? Из хозяйских?¹⁰

– Кто не был, тот будет, кто был, тот не забудет, – подмигнул я. – Такси тут поймать можно?

Квартиру мне удалось снять на Титова, довольно приличную – две комнаты, евроремонт (точнее-то, что понимается под этим словом в/на Украине), по крайней мере, стены утепленные и стекла пластик. Электрокотел и плюс еще местного производства, сварганенный на «Южмаше» котел, который мог работать на любом твердом топливе – от угля до поколотых чурочек. Не очень изгажено, по крайней мере, незаметно, чтобы тут сдавали строителям, или на ночь, или

¹⁰ То есть сидел в тюрьме.

еще кому. По цене договорился за тридцать тысяч гривен в месяц. Коммуналка и свет отдельно...

Вечером, переодевшись – куртка «Геликон» с подшитым кевларовым подбоем и кармашками с полуторамиллиметровыми титановыми пластинами, – вышел в свет. На всякий случай налепил нейтральный жовто-блакитный прапор. По местным меркам это означало, что человек патриот, но без фанатизма. Фанатики носят черно-красный, это цвета «Правого сектора» и бандеровщины.

Город как город, можно сказать, в чем-то приличнее Киева, в Киеве, например, весь дешевый и средний общепит давно закрыт, кроме самого уж дешевого, с пирожками и варениками на вынос, потому что у киевлянина либо есть деньги на дорогой ресторан, либо нет ни на какой. То тут то там – стихийные рынки, сейчас закрытые, но всё потому, что ночь. Утром откроются снова. На улицах много машин, больше, чем в Киеве, полно иномарок. Правильно, тут дипкорпус, тут американские советники, тут кого только нет...

Оказалось, что в городе есть метро. Как я потом узнал, в книге рекордов Гиннеса как самое короткое метро в мире. Сейчас оно было закрыто, почему – непонятно, просто закрыто, я обратил внимание, что у станций вооруженная охрана и что-то много машин. В городе много высотной застройки. Особенно у набережной.

Нищих тоже полно. Видимо, беженцы. Просят милостыню. Много праздношатающихся в военной форме – это вы-

зывает тревогу. Обстановка взрывоопасная по всей стране, чиркни только спичкой – и...

Ночная жизнь, судя по музыке, в самом разгаре...

Меня это не радовало. Украинское общество, когда все это началось, оказалось расколото на две очень неравные половинки. Большая часть восприняла все происходящее как нечто несерьезное, как нечто наподобие шторма, ливня и урагана. Что-то плохое, но неизбежное, от чего можно укрыться, но с чем нельзя справиться. Укрывались просто – парубки с Запада ховались по лісам, покупали справки за последние деньги. Те, кто с юга, с востока, с центра, просто уезжали... в основном, в Россию уезжали. Меньшая же часть восприняла все это всерьез и начала драться – тоже всерьез. И проиграла.

Самое удивительное, что тот же самый раскол воспроизвелся и на Донбассе. Большая часть донбассцев тоже не захотела воевать и покинула Донбасс – в том числе и здоровые лбы. Воевало меньшинство – пусть храброе, но меньшинство. Выиграло ли оно?

Или все проиграли?

Короче, соблазну поближе познакомиться с ночной жизнью Днепропетровска я не поддался и вернулся домой. Спать.

Ночью стреляли. Из автоматов и, кажется, еще «ПК». Я привычно перенес матрац к стене, ближе к давно не нужной

батарея. Здесь самое безопасное место – если, конечно, артиллерией садить не будут. И если в окно залетит – меньше всего шансов, и батарея, если что, сработает как пулеулавливатель.

На следующий день я занялся делами...

Офис и склад мне удалось снять довольно быстро. Снял полторы тысячи метров в логистическом комплексе «Комбайновый» на Ударников, и там же офис на втором этаже. Комплекс ничего так – современный и войной не тронутый. В Москве снять такой мне обошлось бы ровно втрое дороже...

Купил машину. По местным меркам крутую – «Рено Логан». Мне эта машина нравится тем, что при неубиваемости и проходимости, как у иного кроссовера, у нее огромный салон, можно, если что, возить несколько мешков, сложив сиденья. И стоит недорого, и ремонтировать недорого.

«Порш» я поставил на прикол в Киеве. Не исключено, что машину эту знают, и лучше пока поостеречься.

Купил ворох газет типа «Бесплатно всегда» и «Авизо» и прикинул, что и к чему. Каков спрос, какое предложение. В общем, на любом рынке ниша есть – только поворачивайся...

Позвонил в Киев, заказал доставку и дал объявление о найме...

Народу было... ну, в общем, вы понимаете, но меньше,

чем в Киеве, что меня удивило. Дал каждому задание, посмотрим, кто как справится...

А вы думаете, как надо нанимать? Резюме читать? Так в резюме чего только не понапишут. Сейчас даже специалисты есть по грамотному составлению резюме. А мне надо людей, которые умеют продавать товар, а не себя. Дал каждому стартовый набор – прайс, бланки договоров и визитки. Кто что принесет, посмотрим. Кстати, тут еще есть один нюанс – продавцов не бывает много. Тот, кто считает, что у него отдел продаж должен состоять из пяти или десяти человек, – полный идиот. Продавцов должно быть столько, сколько вы найдете и сколько могут реально работать, то есть оправдывать себя и приносить прибыль. А вы думаете, одиннадцать человек у меня в Киеве – это все продавцы? Ага, щаз-з-з... Это десять старших продавцов и логист, а у каждого старшего целый район в подчинении. Это уже система второго уровня, когда каждый, кто начинал как продавец, становится старшим целой сети продавцов. Чем-то напоминает МЛМ, но тут уровней только два и никто не впаривает фуфло...

Несколько человек удалось нанять. И самое главное – пришла она. Та самая незнакомка из поезда... ну, когда мы попали под обстрел. Показала диплом экономиста, киевский, и сертификат какого-то учебного центра «Анастасия». Бухгалтерский. Как сказала, объявления не видела, просто ищет работу бухгалтера.

Нанял. Подходит или нет – узнаю потом, а бухгалтер и за-

одно секретарь нужны. В плюс ей говорит то, что на маленькую зарплату она не согласилась. Засланные казачки обычно соглашаются, им другое нужно.

Заодно начал решать вопросы по логистике. Что само по себе непросто.

Это в России есть «Автотрейдинг», есть «Деловые линии» – сдал, и голова не болит. А тут на дорогах грабят, разбойничают, а бывают случаи, когда договариваешься с водилой, а он и пропадает вместе с грузом. Про то, как поезда бомбят, надо рассказывать?

Не нашел ничего лучше, как покупать машину. Все дешевле, чем считать потом убытки. За рулем будет кто-то из своих, он же будет держать связь с нашими людьми в Киеве. При необходимости он и привезет чего надо и вывезет чего надо. Здоровенная еврофура.

За фурой пришлось выезжать из города. Ее я купил аж во Львове, там продают подержанные еврофуры поляки. Купил «Ман ТГА», семь лет, пробег за пятьсот, но все по Европе, в хорошем состоянии, прицеп тоже немец, не фуфло какое-то. Машину – пустую – мы погнали на Киев. Оттуда, загрузившись, уйдем уже на Днепр...

Чего про поездку не рассказываю? А чего про нее рассказывать. Ямы на дорогах, в которых сгинет слон. Вымершие деревни. Разгромленные колхозные скотные дворы, через которые уже бурьяном прорастает трава и растут березки. Разбитая словно артиллерийским снарядом, а на самом

деле просто гибнущая без ухода церквушка. Сначала отсюда ушли люди, потом ушел и Бог, а может, и наоборот. Нет больше Украины. Кто ушел в Россию, кто в Польшу, кто в Израиль, кто в Аргентину, кто еще где мыкает свою судьбу. Страшно и дико видеть землю, зарастающую без ухода березняком, тем более такую землю, где палку воткни, она прорастет. Но еще страшнее видеть на полях трактора с бронированными кабинами. Это значит, идет война. И трактора эти как из какого-то другого, неведомого и страшного мира. Того, где Гитлер все-таки победил...

Картинки из прошлого

Киев, Украина.

Декабрь 2013 года

В этот день я в первый раз побывал на Майдане.

Давал себе зарок не идти и все же пошел...

День был солнечный, морозный, но морозный по-киевски, когда мороз щиплет щеки, а не обжигает льдом, как на Урале. Я накупил в супермаркете большую сумку продуктов и вдруг понял, что на автомате делаю то, что делал бы, отправляясь в тыл врага, — леплю легенду.

Я шел к сыну и лепил себе легенду...

Выйдя из супермаркета, я так разозлился, что едва не бросил пакет с едой... к чертовой матери, и пошел прочь. Но потом подумал, что я должен. Должен видеть. Должен понять.

Должен выслушать.

Должен...

Долг – это то, что ведет меня вперед по жизни... долг, долг, долг... Не знаю только, где и кому так успел я задолжать...

Из маршруток вываливался народ. Подъезжали машины. Было заметно тех, кто с Майдана, – от них пахло гарью, грязная одежда и остекленевший какой-то взгляд, я такое видел после боев в Грозном... а теперь это было в Киеве, в году две тысячи тринадцать от Рождества Христова.

Баррикада на Прорезной представляла из себя кучу всякого строительного хлама, укрепленного мешками со снегом, пролитыми водой, получался этакий снежно укрепленный монолит. Баррикады были невысокими, мне по плечо. Был проход примерно на два человека, и по нему шли киевляне, так же банально, как на прогулку. Майдановские боевики равнодушно смотрели на происходящее, ни во что не вмешиваясь. Один звонил по мобиле, разговаривал эмоционально...

Я набрал номер сына и тут же скинул. Это сигнал, что я здесь. Потом подошел к тому, говорящему, подождал, пока он закончит.

– Дай позвонить...

Он недоуменно посмотрел на меня.

– Там, там волонтеры.

– Позвонить, говорю, дай...

Мы посмотрели друг на друга, потом он нехотя протянул телефон.

Я умею быть убедительным, когда надо. Правда, к моей семье это не относится. Причем в полном составе...

Вячеслав появился минут через десять.

Он был похож на меня, Маринка пошла в мать, а он в меня. Только волосы, как и у матери, светло-пшеничные. К сожалению, и характер...

– Па...

Я молча протянул ему пакет.

– Я не просил...

– В детстве ты тоже много чего не просил.

Он смутился, взял пакет и тут же отдал одному из майда-новцев. Я не знаю, зачем он это делает. Бунт против меня... это понятно. Но этот бунт...

– Здесь есть где посидеть?

Мы уселись в теплой и уютной кафешке, совсем недалеко отсюда. Были видны баррикады, идущие к ним люди, в кафе постоянно вваливались какие-то компании, было много молодежи. Вообще киевляне ощущали Майдан не как опасность, не как излом, а как аттракцион. Для меня это было дико, но есть, как оно есть.

– Зачем ты здесь? – в лоб спросил я.

Славик молчал. Пил горячий кофе, обхватив кружку обе-

ими руками. Замерз.

– Помнишь, как я тебе говорил? То, что нельзя уместить в несколько слов, – скорее всего полная ерунда.

– Я здесь, потому что иначе нельзя.

– Нельзя? Почему тогда здесь нет меня?

– Па...

Я вдруг понял, что он хотел сказать, – потому что ты русский. Но промолчал.

– Здесь рождается новая страна, понимаешь? Страна без грязи, без лжи... Вот скажи, тебе понравилось, как с тобой обошлись, а?

Я вздохнул.

– Это жизнь. Она бьет – и ты бьешь в ответ. Я знал цену с самого начала.

– А я не хочу так, понимаешь! Не хочу!

– А как ты хочешь?

– Чтобы честно все было, понимаешь? Чтобы...

Он замолчал. Он видел, что я не понимаю, и...

– Маринка здесь?

– Нет. Я сказал ей, чтобы не ходила. Мама тоже.

– Молодец.

Мы пили кофе. Молчали. Потом Вячеслав выдал:

– Па. А давай к нам!

– Смерти моей хочешь? Или забыл...

– Они поймут! Понимаешь. Они поймут! Вот, смотри!

Он вынул какой-то бейдж, показал мне.

– Что это?

– Патрульно-постовая служба «Высота». Я уже гуртовой, я просто рассказал все, как есть, и они мне поверили. Пап. У тебя же военный опыт! У нас есть афганская палатка...

– Слав... я не верю во все это. Народ так не изменить.

Он с унылым видом кивнул:

– По крайней мере, честно.

– Я никогда тебе не лгал. И ты это знаешь. Не солгу и сейчас. То, что вы делаете, – ведет к беде.

– Кто-то должен.

– Да, должен. Кто-то должен остановиться. Вы не остановитесь. Они тоже. Это второй раз уже, каждый будет думать за первый раз рассчитаться. Будет кровь. Очень много крови.

Вячеслав шмыгнул носом, потом решительно и как-то обреченно сказал:

– Пусть. Но мы не уйдем...

– Ты носом шмыгаешь. Давай-ка...

На мне была куртка... с виду обычная, почти как китайский пуховик, но на деле это одна из моделей Сивера, специально пошитая по заказу... Там внутри не просто утеплитель, а еще и кевларовая прокладка. Эти куртки в магазинах не продают, их в свое время специально заказывали партией.

– Пап, ты чего?

– Надевай, надевай.

– Нет...

– Надевай, говорю!

Мудаки мы оба... Мудаки.

– А ты как? Холодно же.

– Как, как... кверху каком! Сейчас простужусь и сдохну от воспаления легких. А ты будешь в этом виноват, понял.

...

– Не вздумай. Я пошутил...

...

– Пошли. Только я заплачу.

– Не надо...

– Это почему?

– Нас тут бесплатно кормят...

Мы вышли на улицу. Пошел снежок – мягкий такой...

– Отец... короче...

– Не надо ничего говорить. Если ты считаешь, что должен тут быть, – будь. Просто помни – ни один политик не стоит того, чтобы из-за него лить кровь.

– А Украина?

– Украина? Наверное, Украина стоит...

Он хотел еще что-то сказать... но не сказал. Просто достал из кармана свой бейдж и сунул мне. Не знаю зачем. Потом пошел к баррикадам.

О том, что я больше его не увижу, я тогда не знал...

За некоторое время до основных событий.

Нью-Йорк.

Аэропорт имени Джона Фицджеральда Кеннеди, второй терминал.

20 мая 2019 года

– Здесь оставим?

– Ага... Давай здесь...

Двое неприметных мужчин: один – сорок с чем-то, другой – тридцать с чем-то, – выбрались из просторного темно-серого цвета «Шевроле Тахо». Один из них, тот, что постарше, поставил под лобовое стекло табличку «полицейский на задании». Иначе оставлять тут машину было немыслимо...

Второй подождал его, все это время он внимательно осматривался по сторонам...

– Пошли... – Первый махнул кому-то рукой. – И не смотри так по сторонам. Бомбы тут точно нет, а людей ты пугаешь.

– Никогда не знаешь наверняка...

Старший чуть поморщился. Как и все копы, что отставные, что действующие, он обладал определенным чувством юмора и жизнерадостности, некой душевной броней, позволявшей встречать во всеоружии все жизненные невзгоды, начиная от лейтенанта в дурном настроении и заканчивая тем, что иногда можно встретить на вызове. Новичкам в полиции Нью-Йорка первым делом втолковывали, что жизнь такова, какова она есть, и переделать ее не стоит даже и пытаться. Просто надо принимать все таким, каково оно есть, и

ни в коем случае не пытаться тащить проблемы в дом. Если ты будешь воспринимать все всерьез и задаваться вопросом, почему, например, двадцатиднолетний наркоман пичкал своего грудного ребенка метом¹¹ или почему обширившийся подросток убил мясорубкой свою мамочку, съедет крыша или в один прекрасный день ты сунешь в рот ствол табельного оружия и нажмешь на спуск. Надо просто жить. И оставлять все это дерьмо за бортом, только и всего...

На входе уже не было рамок, но, очевидно, какая-то система была, поскольку не успели они пройти внутрь второго терминала, как их тотчас остановили неприметные парни в штатском.

– Простите, сэр... не могли бы вы пройти с нами...

– Легче, парни... – Старший привычным жестом показал удостоверение, продемонстрировав заодно и кобуру с «глок-19» впереди справа. – Мы и так собирались пройти к вам. Большой Джек на месте?

– Да, сэр.

– Он нас вызывал. Скажи, что пришли Дюбуа и Козак.

– Да, сэр... – Старший группы досмотра покосился на неподвижно стоящего второго. – А этот джентльмен... с вами?

– Да... он со мной.

Начальник службы безопасности JFK Джек О'Мелли

¹¹ Метамфетамином.

встретил их в своем рабочем кабинете. Он был, как и все ирландцы в его годах, полноват, лысоват и жизнерадостен. От некогда густой рыжей шевелюры осталось не более половины, которую он тщательно зачесывал, чтобы скрыть лысину.

– Француз... сколько не виделись.

Они обнялись.

– Семь месяцев. И я думаю, тому была причина...

???

– Триста пятьдесят долларов, Джек... забыл?

О'Мелли с кривой усмешкой достал бумажник.

– Я надеялся, ты забудешь, французская ты задница.

– С такого пархатого, как ты, я стрясу еще и с процентами.

О'Мелли был в общем-то не уникалом в этом городе – перекрестке миров. Отец – полицейский, мать – младшая дочь адвоката-еврея, вытаскивающего из камер самых отъявленных сукиных сынов. Говорили, что когда отец узнал, за кого выходит дочь, он бросился к самому Даниэлу Пагано, авторитету из семьи Дженовезе, чтобы заказать нежданного зятя. Но у старшего О'Мелли были свои возможности...

Так вот и родился Джек О'Мелли, наполовину еврей, наполовину ирландец и тот еще сукин сын. Он был пробивным типом и отлично знал, с какой стороны намазан маслом бутерброд, иначе бы не стал тем, кем он был, – главой безопас-ности крупного аэропорта. Неплохо по нынешним временам.

Триста пятьдесят долларов переключались из рук в руки.

– Ну?

– Ага. Теперь давай по делу.

О’Мелли покосился на второго полицейского.

– Это со мной. Ты его не знаешь.

– Он в теме?

– Нет.

– Ладно. Давай в коридор выйдем...

Они вышли в коридор – тихий, застеленный серым ковровым покрытием. Чисто... тихо, совсем не похоже на круговерть типичного полицейского участка где-нибудь на Манхеттене.

– Ну, чего?

– Тут вот какое дело, брат... – О’Мелли потер жирный подбородок. – Первому позвонил тебе. Мы сняли с рейса одного типа. Он пытался въехать в страну по британскому паспорту, паспорт оказался фуфлом. По идее, тут полно таких, но он начал предлагать моим людям бабки. Сто штук, потом пятьсот. Это меня заинтересовало, и я решил переговорить с ним сам.

Дюбуа понимающе хмыкнул. Пятьсот штук – дело хорошее.

– От матери я помню русский. Не то чтобы хорошо, но объясниться сумею. Этот тип тоже похож на русского, я задал ему пару вопросов по-русски, и он меня здорово удивил.

– Чем же? Предложил «лимон»?

– Нет. Попросил политическое убежище. Я сказал ему, что это не так просто, и он сказал, что у него есть информа-

ция...

– Ну? Давай, не играй в игры.

– Что у него есть информация о торговле ядерным оружием и каком-то теракте со сбитым или взорванным самолетом. Сам понимаешь, когда ты в такой заднице, скажешь все что угодно, чтобы зацепиться. Но я этому парню поверил.

Дюбуа кивнул. Он знал, что О’Мелли, как и он сам, начинал на улицах, а улица быстро учит разбираться в людях. Ошибка может стоить пули в брюхо.

– ...и тут я вспомнил, что у меня есть знакомая задница, которая просиживает штаны на Федерал-Плаза. И позвонил ему.

Дюбуа кивнул. Все было правильно. Нью-йоркские полицейские доверяли только друг другу и редко кого-то пускали в свой замкнутый круг.

– Откуда он прилетел?

– С Лондона. Документы на имя Томаса Мюллера, британские. Это-то и показалось подозрительным – он не похож на англичанина.

– Рейс стыковочный?

– Да, при нем нашли еще билеты. Из Праги, с открытой датой.

– Еще что-то при нем нашли?

– Обычная фигня. Только новое все. Как будто покупал в аэропорту все. Несколько банковских карточек.

– В дьюти-фри¹² что-то покупал?

– Две бутылки джина «Гордон».

– Еще кому-то звонил?

– Нет. Просто поставил двух парней присматривать за ним. Закрыл дверь. Все о'кей?

Дюбуа вздохнул.

– Да, о'кей. Пошли.

О'Мелли с подозрением посмотрел на более молодого напарника Француза – так Дюбуа называли на нью-йоркских улицах. Потом пошел показывать дорогу...

Неизвестный содержался в недавно оборудованной в аэропорту комнате безопасности. Около нее стояли двое, у одного из них был автоматический карабин «RRA DEA» калибра 5,56. Второй держал дубинку.

– Что тут, парни? – спросил О'Мелли.

– Пытался буяннить, бился в дверь, что-то орал. Пришлось привязать к стулу.

О'Мелли посмотрел на Дюбуа.

– О'кей, мы заходим.

– Мои парни тебе понадобятся?

– Оставь на всякий случай...

– Хорошо. – О'Мелли протянул небольшую рацию. – Я на пятом канале. Потом сдашь любому моему парню.

¹² Аэропорт для беспощинной торговли, особенно выгодно там покупать спиртное.

Француз посмотрел на рацию и протянул ее напарнику.
– Пошли.

С первого взгляда опытному уличному копу, каким и был Дюбуа до того, как перешел в АТЦ – антитеррористический центр, совместное подразделение различных силовых ведомств местного и федерального подчинения, созданное после 9/11, – стало понятно, что сидевший перед ним человек кто угодно, но только не террорист. Типичный белый воротничок, довольно высокого положения – привык командовать, судя по повадкам. Одежда вся новая, куплена примерно в одно и то же время, но подобрана бестолково и сидит некрасиво. Волосы растрепаны, с заметной сединой. Лицо красное... еще удар хватит.

Но кроме этого Дюбуа чутьем опытного полицейского понял, что у этого парня что-то есть на продажу.

– Похоже, с вами тут нехорошо обошлись, – сказал он по-английски.

...

– Для протокола – вы имеете право... черт, вы же не гражданин США. У вас нет ни хрена никаких прав, кроме права вылететь отсюда к чертовой матери.

– Мне нужен человек из ЦРУ!

– ЦРУ? – Дюбуа произнес это так, как будто впервые слышал.

– Человек из ЦРУ!

– Ну я – человек из ЦРУ.

– Удостоверение?!

– Что?!

– Удостоверение!

Дюбуа подошел ближе, наклонился над задержанным.

– Знаешь что... хрен тебе!

– Человек из ЦРУ!

– Я и есть человек из ЦРУ. И он тоже.

– Документы!

– Да пошел ты! Кто ты такой, чтобы я показывал тебе документы?

Опытный коп, Француз выбрал тактику, какую он применял с белыми воротничками, – показать им, что они никто. Если хочешь чего-то добиться от задержанного, выведи его из равновесия.

– Кто ты такой?!

– Мне нужен человек из ЦРУ!

– Тебе нужен адвокат, папаша. А если ты попадешь на Райкерс, тебе скоро понадобится врач. Проктолог.

Дюбуа вдруг перешел на русский.

– Ты, б..., говори!

Неизвестный выпучил глаза.

– Говори! Не гони пургу! А то п...ы дам!

– ЦРУ!

– Да пошел ты!

В коридоре Дюбуа вытер пот с лица.

– Как? – спросил он у напарника, с которым договорился, конечно же, заранее. Добрый полицейский – злой полицейский. Игра, давно известная во всем мире, но не потерявшая своей актуальности. В конце концов, Джонни Депп делает все то же самое, что может сделать большинство людей, однако большинству не платят за это миллионы.

– Нормально.

– Иди, поговори с ним. Я здесь подежурю.

...

– Имей в виду, он что-то знает.

Напарник пошел к двери, но остановился.

– Сэр, я не знал, что вы русский знаете.

– Хрен я знаю, а не русский. Когда я начинал, на моем участке шустрили сукины дети, которые мошенничали со страховками и воровали бензиновыми делами. От них немного понабрался. Иди...

Бывший морской пехотинец, а ныне специальный агент отдела по борьбе с терроризмом ФБР Габриэль (Гавриил) Козак закрыл дверь за собой. У него было совсем немного опыта в допросах, но он приказал себе не волноваться. Как перед парашютным прыжком HALO, когда ты летишь через ночь и открываешь парашют лишь за несколько сотен футов от поверхности земли.

– Здравствуйте... – сказал он по-русски, вспоминая в го-

лове забытые обороты языка, забытые словосочетания, которым он учился в доме бабушки в Сан-Франциско, старые книги с темными страницами, которые он читал вслух, значки кириллицы...

Задержанный глянул на него. Озлоблен, затравлен, выведен из себя. В морской пехоте он прошел курс допроса пленных и знал, как и к кому подступиться. Этот, похоже, имеет какой-то статус в обществе... в том, откуда он прибыл, и не рад оказаться здесь.

– Ты кто такой?

...

– ЦРУ?

Козак покачал головой, достал удостоверение, положил на стол.

– ФБР. Отдел по борьбе с терроризмом...

После того как он попал в плен в Киеве, он одиннадцать дней ждал обмена в компании таких же, как он, бедолаг. Потом их обменяли на каких-то высокопоставленных русских шпионов, отбывавших наказание в США.

На родине он попал в мясорубку между ведомствами: ЦРУ пыталось обвинить во всем Пентагон, что якобы морские пехотинцы не смогли защитить конвой и сверхсекретная аппаратура контроля трафика попала в руки русских. Пентагон выдвинул встречные обвинения в том, что ЦРУ очень хреново подготовило эвакуацию секретной аппаратуры, а командовавший на месте агент растерялся, принял

неправильное решение и завел конвой в ловушку. В конце концов приняли решение не выносить сор из избы... в Вашингтоне и так искали козлов отпущения. Но ему дали понять, что ждут от него рапорт, дабы не поднимать лишний шум. Отношения и так были испорчены, оперативники его уровня были постоянно задействованы в группах поддержки специальных операций, а тем, кто побывал в плену в Киеве, упустил аппаратуру – короче, ко всем, кто в этом был замаскирован, доверия больше не было. А в группе поддержки нельзя работать, если нет доверия.

Он получил все положенное и вышел на гражданку. Мест в частных военных компаниях ему не предложили, но им заинтересовалось ФБР. Возможно, из-за того, что он теперь был на ножках с ЦРУ... ФБР тоже было на ножках с ЦРУ. Возможно, из-за необычного опыта и сочетания языков – русский, испанский, урду, арабский. А возможно, просто сыграло свою роль то, что Академия ФБР расположена в Квантико, там же, где расквартирован спецназ морской пехоты и находится школа снайперов. Таким образом, он прошел ускоренный курс подготовки агентов в родном Квантико, попал в отдел по борьбе с терроризмом, а оттуда сразу же в АТЦ – межведомственный антитеррористический центр в Нью-Йорке.

Задержанный впился взглядом в удостоверение.

– Мешают наручники?

Козак достал складной нож Спайдерко, полоснул по пла-

стиковой ленте.

– Так лучше?

Задержанный повертел в руках пластиковый прямоугольник с голограммой. Вообще-то это было не удостоверение, а пропуск, но большой разницы не было.

– Мне нужен представитель ЦРУ.

Козак отрицательно покачал головой:

– Невозможно. ЦРУ не имеет права действовать внутри страны. У них нет полномочий на это. Вы сказали, у вас есть сообщение о террористической опасности. Вы можете поговорить об этом со мной, я – агент ФБР и работаю в отделе по борьбе с терроризмом. Вам есть, что сказать мне?

...

– Друг, если вы будете тратить мое время, я просто уйду.

– Откуда вы знаете русский?

– Моя бабушка русская. Посмотрите на фамилию.

Задержанный недоверчиво посмотрел на «удостоверение».

– Мне нужно политическое убежище.

– Вас преследуют по политическим мотивам?

– Да.

– У вас британский паспорт. Вас преследуют по политическим мотивам в Соединенном Королевстве?

Задержанный помолчал. Потом сказал:

– Это не мой паспорт.

– Мы это уже знаем. Вы пытались въехать в нашу стра-

ну по поддельным документам, что само по себе преступление. По новому закону о борьбе с терроризмом мы можем вас держать в тюрьме сколько угодно без предъявления обвинений.

– Мне нужен адвокат.

– Ответ неправильный. Адвокат вам не положен. Вы подозреваемый в терроризме.

Козак сел напротив.

– Торговаться с нами – не лучшая тактика, сэр. Если вас действительно преследуют, расскажите нам все, что вы знаете, а мы попробуем вам помочь.

– Ага. Лазорко¹³ вы уже помогли!

Этого имени Козак никогда не слышал.

– О ком вы?

– Неважно. Так вы поможете? Мне нужен паспорт.

– Сначала о том, что у вас есть. Вы располагаете информацией о готовящемся террористическом акте в США?

Молчание. Козак решил сменить тактику.

– Давайте начнем с малого. Из какой страны вы на самом деле прибыли?

Задержанный снова молчал. Козак думал, что он не собирается отвечать, но он вдруг сказал... как камень бросил в воду:

– Из Украины.

Козак невольно вздрогнул.

¹³ Бывший премьер-министр Украины, бежал в США, где и попал в тюрьму.

– Вы гражданин Украины?

– Наверное... еще да.

– Ваше имя?

– ...Тищенко Борис Макарович.

Козак записал в блокнот. Уже что-то.

– В каком городе вы жили?

– В Днепре... с... а. Днепропетровске, то есть.

– За что вас преследуют?

Задержанный снова помолчал, перед тем как ответить:

– Знаю много.

– Что именно вы знаете?

– Паспорт давай, тогда скажу.

– А деньги? Вы оцениваете свою информацию в деньгах?

– Я сам тебе дам сколько надо. «Лимон» – дам «лимон»...

Интересно. Козак решил зайти с другой стороны.

– Мы не можем вам помочь только потому, что вы говорите нам о том, что знаете что-то. Мы должны понимать, что мы покупаем. Как, по-вашему, это честно?

– ...Что ты хочешь знать? Хочешь, расскажу, как самолет сбили?

– Какой именно самолет?

– По новостям посмотри, ты же умный. Самолет...

– Какой именно самолет?

– Пассажирский. Летом две тысячи четырнадцатого.

Козак вспомнил, об этом тогда много говорили.

– Вы знаете, кто сбил этот самолет?

– Знаю? Знаю... да через меня башли шли.

Козак не понял слова «башли». Ладно.

– Это было во всех новостях. Нам нужны не слова, а доказательства.

– Доказательства? Я знаю исполнителей. Знаю, как им платили. С каких счетов и когда. Кто сверху приказ отдал. Где потом их закопали, тоже покажу.

Козак решил двигаться дальше.

– Это интересно, но... все это прошлое, так? Опасности для США сейчас это не представляет, верно?

Задержанный вдруг сплюнул на пол. Наклонился вперед.

– Да. А если ракеты налево уйдут, для США это будет опасность?

– Какие ракеты?

– Стратегические. С завода. Как в виде задела, так и в виде документации. Вам ничо так, не поплохеет, если они окажутся в Иране? Или в Саудовской Аравии?

– О каких ракетах вы говорите?

– «Эс-Эс восемнадцать», – сказал задержанный. – «Сатана»...

Заработала рация.

– На связи...

– Выйди, – сказал Француз.

– Иду...

Он поднялся, но задержанный вдруг приподнялся, схватил его за рукав, заговорил отрывисто, жарко:

– Думаешь, я вру тут? Мозги тебе парафиню? На жалость давлЮ. У меня сына в Киеве убили. На мне самом смертный приговор. Меня так и так исполнят, где угодно. Я этих сук... Мне за сына только рассчитаться, а там... все. Клянусь, чем хочешь, – не вру. Ракеты эти... они из-за денег перегрызлись все. Если ракеты налево уйдут... всему п...ц. И там не только ракеты. Сделаешь – скажу.

Козак высвободил рукав.

– Я сейчас вернусь.

В коридоре было намного больше людей, чем тогда, когда он его оставил. Помимо Дюбуа там были еще пятеро, один хрен в костюмчике, которого Козак откуда-то помнил, еще какая-та баба, чей голос был слышен громче всех, неприметный, лысоватый, держащийся позади тип и двое знакомых ему людей – один был знаком даже лично. Он опознал в нем Бриса, сержанта своего подразделения кризисного реагирования.

Спор шел на повышенных тонах. Козак закрыл дверь и прислонился к ней спиной, давая понять, что никого не пропустит. УчИтывая то, что он носил два «глока» и светошумовую гранату (последнее не входило в стандартный комплект сотрудника ФБР, но он умел этим пользоваться и знал, что многие стандартные ситуации со светошумовой решаются намного проще), его действия не могли не приниматься во внимание.

– ...я так и не понял, этот человек ваш агент или нет?

– Мы не можем вам этого сказать.

– Тогда в чем дело? Вам что, не терпится получить повестку в суд? Препятствование работе правоохранительных органов есть федеральное преступление!

– Похоже, это вам не терпится получить назначение на Аляску.

– С удовольствием отдохну от этого дерьма. Но еще с большим удовольствием доставлю вам проблем, мэм. Это территория США, забыли? ЦРУ не обладает здесь юрисдикцией.

– Это уже не так, и вы это знаете.

– Это так. И давайте без лишнего шума.

– Шум поднимаете вы, мэм. Этот человек арестован. Хотите получить его – обращайтесь к генеральному прокурору!

– В ваших интересах уладить все мирным путем.

– Да? Интересно, в чем мой интерес?

– Вы должны сотрудничать.

– Да неужели? Дамочка, я говорил это итальянским мафиози, когда ты пешком под стол ходила, ясно?

– В чем проблема, сэр? – включился в разговор еще один цэрэушник. – Зачем вам этот человек?

– Этот человек арестован за федеральное преступление.

– С каких пор въезд по поддельным документам стал федеральным преступлением?

– А откуда вы знаете про поддельные документы?

– Это не ваше дело!

– Он арестован не за поддельные документы. Он подозревается в терроризме.

– Да что вы говорите! Нет, все-таки вы явно будете хорошо смотреться в Анкоридже.

– После тебя, сынок!

– Что тут происходит?

На сцене появился О’Мелли и с ним еще несколько человек.

– Кто вы?

– Это вы кто? И что вы делаете в моем аэропорту?

Один из цэрэушников достал удостоверение. О’Мелли посмотрел, скривился:

– Христиане в действии¹⁴. Сортир там, если вы заблудились.

– Сэр, не усложняйте.

– Послушайте, – Дюбуа моментально переключился, – если вам действительно нужен этот парень, вы можете его забрать. Но только после того, как я его оформлю. У меня зарегистрирован звонок на коммутаторе, мне надо отчитаться по вызову? Верно?

О’Мелли кивнул:

– Точно.

Цэрэушники заметно смутились и, по крайней мере, снизили свой напор. А то в какой-то момент Козаку показалось,

¹⁴ CIA Christians in action.

что они пойдут на силовой прорыв...

После того как линия фронта стабилизировалась, каждая из сторон приступила к переговорам со своим офисом: Дюбуа позвонил на Федерал-Плаза, цэрэушники тоже достали свои телефоны. О'Мелли выглядел крайне воинственным и готовым ко всему. На какие-то несколько лет после 9/11 между ФБР и ЦРУ сохранялись хорошие отношения, но сейчас все снова стремительно катилось к холодной войне. Спусковым крючком для очередного обострения отношений многие считали дело братьев Царнаевых. ЦРУ получило из России в порядке обмена информацией данные о возможной опасности двоих молодых чеченцев, проживающих в Бостоне, в частности, информацию о том, что один из братьев во время своей поездки в Дагестан искал контакты с бандподпольем. Данные эти не были переданы в ФБР, а у самого ФБР оказалось слишком мало данных, чтобы присмотреться к чеченцам подробнее, – все, что у них было, это обвинение в домашнем насилии: если бы к этому присоединилась информация о поисках фигурантами контактов с террористическими организациями, первый в США «домашний» теракт со времени 9/11 можно было бы предотвратить.

Наверное.

Пока шли переговоры, один из силовой поддержки цэрэушников подошел к Козаку, угостил сигаретой. Тот покачал головой.

– Все еще не куришь?

– Нет, сардж.

– Дело хорошее. – Брис затянулся сигаретой. – Я слышал, что ты теперь федеральный агент, но не верил.

– Можете убедиться, сэр.

– Да брось, теперь это я должен называть тебя «сэр».

...

– Парень раскололся?

– Да как сказать.

– Перестань. Впрочем, дело твое.

– Вы все еще в корпусе?

– Ага, – кивнул Брис, – в группе поддержки спецопераций.

Помнишь Киев?

– Стараюсь забыть.

– Полное дерьмо. Недавно несколько парней вернулись, они охраняли временную дипмиссию. Двое уволились из корпуса. Один сказал, что мы полное дерьмо... что-то в этом духе.

– Нелегко видеть врагов в таких же, как ты сам, сэр.

– Ага. Я надеюсь, у наших политиков хватит ума держаться оттуда подальше. Там черная дыра, колодец без дна...

– Алиса решила проверить, сколь глубока нора.

– Ну, да... Кстати, помнишь...

И тут Козак вспомнил, где он видел старшего среди цэр-эушников.

– Эвакуация.

– Во-во.

Брис понизил голос:

– Тип со связями наверху. Мы не первый раз на него пашем. Мутный до предела. Дважды мы сопровождали его в Эрбиль...

Подошел Дюбуа. Подозрительно посмотрел на Бриса.

– Мы забираем этого парня. Есть возражения?

Брис пожал плечами, отошел в сторону.

Они зачитали Тищенко его права на английском и на всякий случай на русском, затем снова надели на него наручники и вывели из комнаты. По звонку Дюбуа в аэропорт прибыло подкрепление – группа парней из Команды по освобождению заложников. У них в АТЦ постоянно была дежурная группа.

Цэрэушники молча посторонились.

Машина оказалась на месте, они посадили Тищенко на заднее сиденье. Одного. Дюбуа сел за руль, Козак – справа от него...

– Ничего не хочешь сказать? – спросил Дюбуа.

– Тот парень – мой сержант в Корпусе. Сейчас – группа поддержки спецопераций.

– Интересно. А их можно задействовать в США?

К «Шевроле» подошел старший агент дежурной смены ГОЗ, они прибыли в аэропорт на черном бронированном «Шевроле Тахо» с перемигивающимися красными и синими

огнями под приборной решеткой.

– Сэр...

– Давай за нами.

– Сэр, может, лучше пересадить задержанного к нам? У нас бронированная машина.

– У нас тоже. Просто езжайте за нами.

– Есть, сэр.

– Черт... – сказал Дюбуа, выворачивая руль, – что-то все это хреново выглядит...

Разворачиваться у аэропорта было не нужно – они просто тронулись вперед и вышли на круговорот развязок, ведущих сразу к нескольким федеральным дорогам и дорогам штата.

– Эй, парень! – сказал Дюбуа по-английски. – Ничего не хочешь нам сказать? Зачем ты нужен ЦРУ, а?

...

– Имей в виду, ЦРУ отожмет тебя как грязную тряпку в тазик с водой, а потом выбросит. Это те еще сукины дети. А вот мы можем провести тебя по программе защиты свидетелей. Новое имя, американское гражданство и домик на Среднем Западе. Ничего не хочешь сказать?

...

– Если у тебя есть информация о теракте в Штатах, лучше тебе сказать ее сейчас. Пока не попал в Райкерс.

– Полегче, босс, – сказал Козак.

– Да ни хрена. Вы, русские, все горазды врать.

Верно?

...

– Ты думаешь, он тебе правду сказал? Да ни хрена. Нет у него ничего.

Конечно же, Козак не воспринимал оскорбительные для его национального достоинства слова. Он попал в обучение к мастеру своего дела и знал, что в ремесле сыщика надо быть настоящим лицедеем. Если ты не умеешь *играть реальностью* для подозреваемого, то ни одного преступления не раскроешь. Разве только самые простые – например, чернокожий придурок уделал ножом соседа по пьяни... но это не работа ФБР. Это работа полиции, ФБР вызывают только в сложных случаях...

Движение!

Он не успел осознать, что происходит, просто опыт подсказал ему, что впереди что-то не так, какое-то движение впереди и вверху. А в следующее мгновение в лобовое стекло машины попала пуля пятидесятого калибра...

И пробила его...

Он не раз бывал под обстрелом – в конце концов, он служил не просто морским пехотинцем, а в элитной группе кризисного реагирования, созданной в каждом экспедиционном соединении морской пехоты после событий в Бенгази... Это был как бы мини-корпус, рота особо подготовленных морских пехотинцев, которая постоянно поддерживает шестичасовую готовность и которую можно развернуть без броне-

техники вообще – их учили обходиться тем, что есть на месте, они учились угонять гражданский транспорт, быстро его бронировать подручными средствами и водить русские БТР и БМП, из оружия у них было только то, что можно перенести на себе. Работы у них хватало... но, черт возьми, он никогда еще не попадал в такую ситуацию, когда в стекло влетает пуля пятидесятого калибра. И это не тот опыт, о котором с теплотой вспоминаешь в старости или хочешь повторить.

Пуля пятидесятого калибра не просто пробил бронированное стекло – от ее удара и давления воздуха его сорвало целиком, и оно ввалилось в салон, растрескавшееся, но пока целое. Тот факт, что оно должно было выдерживать бронебойную пулю тридцатого калибра, не значил ничего, полтинник пробил его как копье лист бумаги. Машину повело вправо, но тут случилось чудо – они не вышли в лоб несущемуся автобусу, они задели его бортом, неуправляемый «Тахо» резко пошел влево и ударился об отбойник. Но перед этим Козак сделал совершенно безумную вещь – он успел открыть дверь и выпрыгнуть из машины на скорости примерно двадцать пять миль в час.

Навыки парашютиста помогли ему, он приземлился, спружинил и покатился по бетону трассы. Совсем рядом проплыл, как в замедленном кино, «Субурбан»... Он чудом разминулся с этим тexasским автобусом и его колесами...

Ударившись об отбойник, он остановился... грохот впе-

реди показал ему, что нападение продолжается...

Его учил человек, который входил в Афганистан в числе первых, охранял Low House Seven¹⁵, возглавлял безопасность посольства после того, как официально все американские войска покинули Афганистан... человек, которому не суждено умереть в постели. Он учил их – как только слышали выстрелы, первым делом спасайте свою задницу. Ищите укрытие, заскочите за угол, в подъезд, куда угодно, если вы на машине, жмите на газ со всей силы. И только когда вы вышли из-под огня, осмотритесь, посмотрите на остальных и переходите в контратаку. Если вы вступите в игру на их условиях, скорее всего, вы труп.

Он перевалился через барьер ограждения, и через секунду этого барьера не стало, несколько футов его снесло и искорежило пулей и бросило куда-то...

Снайпер решил угробить конкретно его!

Он перекатился и выхватил пистолет. Впереди слышался сухой отрывистый треск карабина, который потонул в грохоте новых выстрелов пятидесятого. Судя по темпу – полуавтомат, скорее всего, «барретт»...

Надо вступать в игру.

Он носил два пистолета, но не такие, как обычно носят, первый и второй. Первым он носил типичный для Бюро «глок-23», отлично подходящий для полиции сороковой калибр. Вторым пистолетом справа он носил пять-семь, мек-

¹⁵ Жилой дом в Кабуле в самом начале войны. Кто в теме – тот поймет.

сиканские наркоторговцы называли его «убийца полицейских». Смысл его ношения имелся только в том, удастся ли достать к нему армейские патроны со стальным сердечником... Без них это был обычный малокалиберный пистолет. Армейские патроны у него были...

Чтобы занять лучшую позицию, он пополз вперед, обдирая локти... и поднялся только тогда, когда дело было уже почти сделано... успел только заметить белый фургон на теппроводе, кажется, «Транзит», да закрывающуюся боковую дверь. Выстрелил несколько раз в быстром темпе... пока фургон не пропал из виду.

Вот это-то он и видел, кстати. Стоящий боком на трассе белый фургон и открывшаяся сбоку дверь. Белое сменилось на черное... оно и бросилось в глаза. Внутри фургона была позиция стрелка...

Фургон бросят на улице в дурном районе... до завтра его уже угонят и перебьют номера. Стрелок завтра будет за тридевять земель отсюда... возможно, в Канаде.

Машинально сменив магазин, магазин следует менять на полный при малейшей возможности, он подошел к машинам... уже зная, что увидит...

Парни из «Субурбана» погибли все, ни один бронежилет пятидесятый калибр не остановит. Они попытались прикрыть искореженный «Тахо» своей машиной и открыть ответный огонь... Он поймал их на том, что они пытались вытащить задержанного... короче говоря, что-то сделать. Если

бы они просто поставили свой здоровенный бронированный трак поперек дороги и попытались бы укрыться за ним, скорее всего, они остались бы живы. Но они попытались вытащить пострадавших в «Тахо»... потому что они были фэбэ-эровцами и их миссия была защищать.

Не выжил никто.

Со своей стороны он видел только одного. Пуля попала в него, когда он пытался найти укрытие за дверцей... и ошибся, пуля пробила и дверь, и бронежилет, и его самого. Сейчас он лежал раскинув руки, его карабин лежал у правой руки, а потрескавшееся от удара пули стекло в дверце было забрызгано красным снизу.

Он начал обходить машину с другой стороны и наткнулся на окрик:

– Стой!

Он поднял глаза. Полицейская машина стояла, перекрыв дорогу, оружие было направлено на него.

– ФБР! – крикнул он, но на всякий случай бросил пистолет и поднял руки...

Днепропетровск.

10 июня 2019 года

А жизнь продолжалась...

Беличье колесо. Замкнутый круг. Выхода нет.

Снова за окнами белый день!
День вызывает – меня на бой!
Я чувствую, закрывая глаза...
Весь мир идет на меня войной!

Аккорды Цоя полосуют подобно нагайке, и от этого становится немного легче. Этакое музыкальное самобичевание...

Однажды я спросил человека, который прошел Чечню: как жить с этим? Он, кстати, не солдатом прошел... прикомандированным опером, а там случалось всякое. Пытали, похищали, убивали, избавлялись от трупов... делали все, что сделали бы они с нами, дай мы им возможность. Он подумал, потом спокойно сказал: в одно утро я проснулся и понял, что больше ничего не чувствую. Совсем ничего. Это как второе дыхание – вот, тебе неважно бежать, а вот – ты бежишь дальше, на втором дыхании. Так и тут. Просто все внутри умирает, и становится легко. Я помню, тогда сказал – повезло вам. А человек... он учил меня ремеслу, только молча посмотрел на меня и ничего не ответил...

Конечно, меня начали щупать. Причем сразу.

Пришли не бандиты. Пришли менты. Вечером, когда я сидел и подбивал первые продажи, вдруг заработал ноут – я его запитал на камеру во дворе, – и я увидел, как паркуется бело-сине-желтая «ментовская» «Шкода».

Приехали...

Пистолет у меня в кармане, и за это меня запросто могут «принять». Тот факт, что он тут в кармане у каждого второ-

го, не ипет, закон «одинаков для всех». Кое-где на территории спрятан и автомат, но я скажу, что это не мой, если найдут, а его не найдут. Только вот они не «принимать» меня приехали, а на меня посмотреть, себя показать. Охотничьи угодья это их. В связи с рождением второго ребенка прошу перевести меня на более оживленную трассу.

Стукнула дверь – массивная, стальная, тут такие установили во время погромов. Я переключил на камеру, чтобы видеть, как они поднимаются по лестнице. Поднимаются неспешно, осматриваются.

Хозяева...

Знаете... если бы можно было вот так вот сесть со свидетелем хохлом и поговорить спокойно, без бития морд, мне многое было бы чего ему сказать. Они почему-то постоянно проводят параллель между нами – рабами и ими – свободными. Но при этом, когда приходят вот такие вот морды в лице мента, банковского работника уже набившего оскомину банка «Приват», еще какого-нибудь жадного до денег рыла, они им платят. Платят! И никто не вспоминает о своей свободе в этот момент.

Скажу больше, я немалое число бизнеров в Киеве знаю. Разговаривал с ними о многом – при всей упоротой свидетельности судьбы их часто схожи: при Савченко или при Осиповиче отжали бизнес, ограбили, пустили по миру. Пришли русские – вот сейчас, потихоньку начинаем снова торговать, – при этом скрипя зубами на клятых москалей и мечтая о Ев-

ропе. Пра-льно, при русских бизнес не отжимают, и не потому, что мы такие честные, а потому что есть определенный уровень. Если речь идет о нефтеперерабатывающем заводе, там расклады свои. Но если брать магазинчик или заправку, работай, тебя никто не тронет. На Украине отжимали на всех уровнях, просто Рабинович отжимал нефтеперерабатывающий завод, а какой-нибудь охреневший от безнаказанности сын головы районной управы отжимал магазинчик. Беспредел был на всех уровнях, включая самый низовой. И когда спрашиваешь людей, а что вы сделали, чтобы этому беспределу противостоять, кто-то вспоминает Майдан, а кто-то машет рукой. Сейчас при попытке отжать магазинчик тебе поможет тот же военный комендант. А на Донбассе и на Луганщине о рейдерстве и вовсе забыли, после того как нескольких рейдеров показательно *исполнили*.

Свідомые, так где ваша свідомость? Свободные, где ваша свобода? Почему она заканчивается на первом же менте?

Открылась дверь.

– Добрий день...

Один, похоже, офицер, хотя и не старший – капитан. Второй то ли сержант, то ли как у них тут. Дело в том, что в Киеве восстановили старый порядок званий в милиции, а тут оставили тот, что ввели в четырнадцатом, и вся заказанная в Италии... что ли форма, сюда ушла.

– Вечер, – поправил я.

– Як се маєте...

– Нормально живу.

Взгляд «сержанта» ощутимо потяжелел – то, что я не перешел на мову, было признаком враждебности. Мовой здесь опознавали своих и различали чужих, даже если говорили в итоге на русском.

– Мы присядем?

Этот, похоже, на конфликт решил не идти.

– Пожалуйста...

Офицер сел. Сержант остался стоять.

– Смотрим, дело открываете, вот, решили заехать...

...

– Из Киева?

На этот вопрос можно ответить.

– Да.

– А в администрации почему не зарегистрировались?

– Я ФОП открыл в Киеве, разве нужно при администрации регистрироваться?

Вообще-то было нужно. Тут была тонкая грань... дело было в том, что местные хоть формально и подчинялись украинским законам, по факту законы здесь были свои. ФОП – свидетельство на физическое лицо – предпринимателя – теоретически было действительно по всему Киеву, но по факту все территории давно собирали свои налоги. Просто делали это с разной степенью борзоты и жадности. В Днепропетровске эта жадность зашкаливала.

И регистрация в райадминистрации, или управе, как тут

ее называют, как раз и нужна была, чтобы собирать местные сборы. На законно установленные налоги и их собираемость внимания мало обращали.

– Нужно.

– Зачем?

– Ты чо...

Капитан осадил рукой коллегу:

– Ну, как зачем? Вам защита нужна? Нужна. Порядок нужен. Все это денег стоит. Машинку вашу опять-таки в течение пяти дней надо зарегистрировать в мобуправлении при администрации.

– А не в военкомате?

Капитан понимающе улыбнулся.

– Ну, можете и в военкомате. Но не советую.

Ясно. И тут самостийность.

– И какие налоги?

– Ну, налоги вы сами заплатите, мы не налоговая. Мы контролируем местные сборы – сбор от оборота на благоустройство города, полтора процента на АТО, три – взнос в местный фонд помощи правоохранительным органам.

АТО давно уже нет, а налог есть...

– А налоговая ко мне придет?

– Ну, придет так придет. Но это вряд ли...

Я картинно вздохнул:

– Не дают покоя честному человеку. Налоговая придет – дай. Вы придете – дай. На АТО – дай. На правоохранитель-

ные органы – дай. Алекс придет – и ему дай.

Надо было видеть... как нехорошо ощерился этот капитан.

– Москалик еще один?

– Ну, не один.

– А не боишься?

– Попробуй!

Какое-то время мы мерили друг друга взглядами, потом капитан встал.

– Откуда вы только лезете...

– Из того же места...

– Ну, как знаешь. Тебе жить.

– И умирать – тоже.

– Во-во. И умирать... Тем более ты тут... легковоспламеняемый, так сказать.

Что-то сработало во мне... как перегоревшая лампочка хлопнула... с искрами. Бах – и все. В следующий момент я понял, что стою с пистолетом, и пистолет направлен точно в переносицу ретивому «правоохраненцу».

– Ты сильно не гни, ломаешь, – посоветовал я, – а этот склад и вовсе десятой дорогой обходи. Я по жизни ломом подпоясанный. Секешь?!

Капитан попятился, ища спиной выход...

Хохол прибыл не один, с разборной бригадой, которая каталась на «Богдане», с заниженной подвеской и в черноту то-

нированными стеклами. Ну, прямо девяностые форева. Сам Хохол был на том же широком¹⁶, на каком он встречал меня.

– Выглядели как?

– Ну...

– Старший среднего роста, нос чуть длинноват. Младший – здоровый, под потолок, дерганный?

– Они.

– Бивис и Батхед, – уверенно заключил Хохол, – они, родные.

– Кто такие?

– Люди Сулимо. Начальника городской полиции. Они первыми приходят, пробивают, так сказать.

Я помолчал. Потом рассказал, что случилось. Поинтересовался:

– Борщанул?

– Ну, есть немного. Коммерс стволom в рожу тыкать не должен, могут за личное принять. Но мы разрулим.

...

– Ты не бери в голову. Этих тараканов давно проучить пора было. Здоровый – из Одессы. Как нажрется, так вещает, как он в Доме профсоюзов геройствовал. Врет... наверное.

Я почувствовал, как помимо моей воли руки сжимаются в кулаки.

– Он говорил про местные сборы. На АТО там.

¹⁶ Джип «Чероки» или «Гранд Чероки». И тот, и другой выпускаются и сейчас, но такой популярностью уже не пользуются.

– Проплачено за всех, не колотись. Ты платишь нам, мы дальше сами.

– Это как? – не понял я.

– Обычно, – пояснил Хохол, – ты не думай, тут люди умные сидят, им бабки нужны, а не головняки. Ты прикинь, что будет, если правоохранцы и ветераны АТО будут ходить по русским и взимать эти самые сборы?

– Хреново будет.

– Это еще мягко сказано. А тут полный город всяких наблюдателей, иностранцев, дипломатов. Вот оно им надо – головняки. В итоге они собрали все значимые диаспоры и договорились: налоги собирают диаспоры. В данном случае – Алекс собирает, как от русской диаспоры. И тихо, без лишнего шума платит. Мы должны собрать определенную сумму-задание и перечислить на счета ОГА¹⁷. Сколько мы еще соберем – это наше дело. Но мы имеем право собирать только со своих и разбираемся тоже со своими. Сурен, например, с армян собирает, Жора – с евреев. И все довольны, все гогочут.

Зашибись. Открытый феодализм.

– Феодализм какой-то.

– Ага. Он самый. Только, поверь мне, это ты тут прилетел на пальцах с Киева и без разбора начал права качать. А я тут живу. Не первый год. И поверь – система умная. Даже справедливая. Если в Киеве менты со всех дерут, то тут

¹⁷ Облгосадминистрация.

каждый имеет дело с людьми своей национальности, понимает, что им потом вместе жить и друг за друга держаться. Так что межнациональных муток всяких тут меньше, чем на Донбассе, поверь мне. Умные люди систему делали. И делали, чтобы тут жить, а не чтобы все разнести к чертям.

– Постой, – сказал я, – если диаспоры сами налоги собирают, то кого этот... Сулимо окучивает?

– А ты не понял? Хохлов он окучивает. Украинцев...

Вот так вот...

Вашингтон, округ Колумбия.

Штаб-квартира ФБР.

12 июня 2019 года

...таким образом мы считаем, что действия агента Козака были правильными и обусловленными сложившейся обстановкой.

Председатель комиссии по ревизии служебной деятельности ФБР, дама темного цвета кожи лет этак пятидесяти (в ФБР, как и во всех государственных органах, были квоты на меньшинства, а работать тоже кому-то надо было, вот приходилось подыскивать такие вот места, заодно две позиции закрылось, женщина и чернокожая), осмотрела других членов комиссии – в основном это были инспектирующие агенты перед пенсией.

– Есть другие мнения?

Отрицательное покачивание голов.

– Что ж, в таком случае благодарю, агент Козак. Новое назначение вы получите в течение ближайших семи дней. Рекомендуем также обратиться к психологу ФБР за консультацией. Не пренебрегайте этим, агент Козак.

– Благодарю, мэ.м... – На эти слова Козак израсходовал почти все свое терпение.

Он вышел в коридор. Попрощался за руку со своим адвокатом, адвокат был настоящий, пусть и с допуском к государственной тайне. Он еще не решил, будет ли продолжать работать на ФБР или уйдет.

– Мистер Козак?

Он повернулся. Перед ним стояла невысокая рыжая дамочка, чем-то похожая на Дану Скалли из знаменитых «Секретных материалов» – сериала, по сути определившего новый облик агента ФБР после старомодного образа парней в шляпах времен еще Директора¹⁸.

– Да, мэ.м.

Он заметил карточку на груди – посетитель.

– У вас есть пара часов свободного времени?

– Возможно.

Женщина понизила голос:

– В таком случае вы сейчас тихо выйдете из здания, пойдете в направлении пятидесятой улицы. Выйдя на нее, идите направо, в сторону Мэдисон-драйв. Вас подберут, черный

¹⁸ Джон Эдгар Гувер, основатель ФБР, директор с 1924 по 1972 год.

«Линкольн». Все поняли?

Козак прищурился:

– Все, кроме одного. Зачем мне это?

– Хотите узнать, что произошло с вашим напарником?

– Я и так знаю. Его убили.

– Хотите знать кто?

– Вы это знаете?

– Возможно...

– В таком случае почему бы мне не арестовать вас прямо сейчас?

Женщина улыбнулась, но нехорошо, понимающе и как-то тускло.

– По трем причинам. Первая – вы отстранены от работы и не можете производить аресты, у вас даже оружия нет. Вторая – ваше новое назначение может быть и на Анкоридж, штат Аляска. Третье – вам просил передать привет капитан Коллинз, помните еще такого?

– Он работает с вами?

Та же самая улыбка, тусклая и неискренняя.

– Вы слишком много задаете вопросов. Идите...

«Линкольн» с красными и синими огнями под капотом включил сигнализацию и остановился посреди улицы. Вышли двое, один остался возле машины, второй подошел к нему, достал небольшой металлоискатель.

– Сэр...

Козак поднял руки. Пистолета у него и впрямь не было сегодня – редкость в его жизни, но это бы-ло так.

– Прошу...

В машине работал кондиционер, разгоняя нестерпимую вашингтонскую летнюю жару, и на сиденье, которое будет слишком большим даже для игрока в американский футбол, сидел невысокий, лет шестидесяти человек. Типичного вида политик, но политики не ездят на таких машинах...

– Рад видеть вас, агент Козак.

– Для начала – кто вы?

Человек протянул две карточки – одна из них была Козаку знакома, это был пропуск в Пентагон. Вторая, судя по всему, была пропуском в Белый дом. Странно, но ни на одной из них не было ни имени, ни фотографии.

– Это не ответ.

– Ну, последние двадцать лет меня зовут Билл Уолшо. А как звали до этого, я позабыл. Кстати, как поживает мистер Стефанич?

Альберт Стефанич был заместителем директора ФБР, ответственным за борьбу с терроризмом.

– Не имею ни малейшего представления. Полагаю, что и вы тоже его не знаете, верно?

– Ну, почему же? Крайний раз мы виделись с ним во время рыбалки на пристани Кейп-Кода несколько дней назад.

– Возвращаюсь к тому же самому вопросу – кто вы?

Человек улыбнулся.

– Мне нравится ваш подход.

– Я – агент ФБР. Вы – человек из «Линкольна» с мигалками под капотом. Эти мигалки можно купить за шестьсот долларов.

– Согласен. – Человек достал планшетник, на нем виднелась голограмма, подтверждающая уровень криптографической защиты. – Если вы смогли раскусить меня, полагаю, мне следует оказать ответную любезность вам. Габриэль, или Гавриил, Козак, тридцать шесть лет, штаб-сержант морской пехоты США в отставке. Родился в Бостоне, но родители переехали туда из Сан-Франциско, где до сих пор обитает старшее поколение семьи. Отец – успешный предприниматель, немало вложил в местные стартапы, в результате чего его состояние по данным налоговой службы составляет чуть менее пятидесяти миллионов долларов. Мать – успешный врач-хирург. Две сестры, Марина и Люси. Обе пошли по материнской стезе и стали врачами, однако вы почему-то не пошли по стезе отца и присоединились к морской пехоте США. Участвовали в операции «Свобода Ираку», две командировки в самые опасные районы так называемого «стального треугольника». По отзывам непосредственных командиров, инициативный, храбрый, хладнокровный, умеет находить контакты с местным населением. За эль-Фаллуджу вы получили Бронзовую звезду. После вывода из Ирака вы отказались идти в офицерскую школу, вместо этого прошли курсы выживания в экстремальных условиях, снайперов и

легких водолазов, после чего получили квалификацию «оператора критических ситуаций», переведены в силы немедленного реагирования морской пехоты. Еще один тур в Афганистан, участие в специальных операциях на территории Ливии, Нигерии, Анголы, Ирака. В Ираке охраняли и готовили к эвакуации американское посольство. По результатам этой операции снова отклонили предложение пройти дополнительное обучение и стать офицером. Потом была Украина, верно?

– Информацию о моей службе вы взяли там, где не имели права ее брать.

– Перестаньте, мистер Козак. Если мне будет нужно, я узнаю, сколько раз вы писались в детстве. Мне интересно, почему вы так упорно не хотите стать офицером? Боитесь ответственности?

...

– В любом случае это ваше дело. Как и то, почему вы пошли в ФБР. Кстати, мне все-таки интересно, а почему ФБР? С вашей квалификацией вас могли бы взять... ах, да... Утеря доверия... Верно?

...

– Как насчет того, чтобы его вернуть?

– Мистер, – сказал Козак, – кто вы?

– Мое имя я вам уже назвал. Оно подлинное, по крайней мере, жалование мне платят на это имя. В настоящее время я являюсь координатором группы JSOC-Ukraine. Когда-ни-

будь слышали?

– Мы работали на нее.

– Да... те дела в Киеве. Я изучал материалы расследования. Осел из ЦРУ взял все в свои руки, и русские получили два грузовика с совершенно секретной аппаратурой слежения и прослушивания, в результате чего была скомпрометирована часть программы «Весна», а русские продвинулись на несколько лет вперед в разработке собственной аппаратуры слежения. Кто-то должен был за это ответить, и ответил не командовавший на месте ублюдок, а несколько ни в чем не повинных морпехов. Как, кстати, ваш напарник... Канада, насколько я помню...

Козак подавил гнев.

– Мистер, два года назад я бы купился на все на это. Тогда я носил форму и говорил: есть, сэр, какое бы дерьмо мне ни предлагали. Но не сейчас. Есть один парень... точнее... был. Знаете, что было в самом начале, когда я пришел в ФБР и меня определили к нему? Он предложил мне выпить кофе... эй, парень, давай попьем кофейку. От этого кофейка меня потом долго несло... с толчка не слезал. Знаете, в чем был смысл этого?

...

– Не верь никому. И хорошо, если этот урок ты получаешь сидя на толчке, а не лежа в гробу на Арлингтонском кладбище.

– Собственно, меня это в вас и заинтересовало, – сказал

хозяин «Линкольна», – вы прошли школу оперативника и следователя по уголовным преступлениям у Дюбуа. А это не самая плохая школа. И при этом у вас есть сразу несколько армейских курсов выживания, вы подготовленный морской пехотинец, умеющий выживать в самых экстремальных условиях. Почти Джеймс Бонд.

– Джеймс Бонд не протянул бы и месяца в Кандагаре.

– Как вам угодно. Итак?

– Сэр, я бы хотел узнать, в чем будет заключаться моя миссия?

– Для начала вы должны согласиться.

– Не зная, на что?

– Разве вас не учили выполнять любые приказы?

– Знаете, мистер...

– Знаю. – Голос человека из «Линкольна» посуровел. –

Вы, похоже, не понимаете, что я не просто так сделал вам это предложение. Для меня гораздо проще было бы оставить вас наедине с голодными львами из комиссии. У вас черная метка в деле – забыли?

...

– Миссия на Украину. Собственно, потому нам и нужен не обычный следователь, а морпех. А вы, к тому же, говорите по-русски.

– Цель миссии?

– Если говорить общими словами, провести ревизию.

– Ревизию, сэр?

Человек улыбнулся.

— У вас это называется «следственные действия». Мы в разведке предпочитаем слово «ревизия». Мы бюрократы.

— В чем суть вопроса?

— Для начала вы должны сказать «да».

...

— Ну же. Вы понимаете, что то, что произошло с вашим напарником, и та история в аэропорту тесно связаны. И вы не могли не вспомнить, что мы поставляли на Украину винтовки пятидесятого калибра, чтобы они могли отбиваться от русской бронетехники. Возможно, одна из этих винтовок всплыла в Штатах.

— И поставляло их ЦРУ.

— Да. Как и в восьмидесятые мы помогали афганским моджахедам, потому что нам это было выгодно. Вчерашние друзья часто становятся врагами. Да или нет?

...

— Итак?

— Да. И пошло оно все...

Полковник Джей Берч, отставной командир Crisis Reaction Team, спецназа морской пехоты, предназначенного для немедленного реагирования в случаях, когда надо вести бой с целым городом или, по крайней мере, с его половиной, согласился встретиться с ним в ресторане «Ливанская таверна», расположенном рядом с Пентагоном. Это было обычное

место встречи для отставных и действующих военных, и, когда Козак добрался туда, ему пришлось потратить несколько минут, отвечая на приветствия и игнорируя кислые взгляды остальных. Корпус морской пехоты всегда был парией, потому что у них были собственные ВВС и ВМФ, и в Пентагоне их недолюбливали.

Полковник Берч появился точь-в-точь в назначенное время – сухой как щепка, с намертво въевшимся в кожу афганским загаром, в темных очках и с папкой под рукой. Передвигался он нормально, протез был почти не заметен.

– Сэр...

– Нормально, сиди... – Полковник плюхнулся на стул. – Мы уже переросли все это. Давай посмотрим, что тут можно заказать.

Козак заказал шаурму. Полковник остановился на фалафеле.

– Слышал, ты стал федеральным агентом.

– Есть такое, сэр!

– Группа освобождения заложников?

– Нет, сэр. Следователь, отдел по борьбе с терроризмом.

Полковник внимательно посмотрел на него, сняв очки.

– Не могу представить любого из золотой¹⁹ группы федом. Козак усмехнулся.

– Да и вы не слишком-то похожи на бюрократа, сэр.

– А на кого же я похож?

¹⁹ Золотая (*gold*) – это просто замена слово «желтый» в военном алфавите.

– Скорее, на старого пирата, нацепившего костюм, сэр.
Полковник не обиделся.

– Что есть, то есть. Чувствую себя порой полным идиотом. Меня приглашают в кабинет и спрашивают, что я думаю о той или иной вещи. Я начинаю говорить, и вдруг до меня доходит, что они меня не понимают. Совсем.

– Ясно, сэр... Слышал, собираются принимать на вооружение новую боевую винтовку?

– Да... Если бы. Эти придурки собираются снова отдать контракт Кольту. Точнее, его канадскому филиалу. Я устал доказывать, что нам нужно что-то, похоже по схеме на «калашников», SCAR или один из SIG. Или одна из тех новых винтовок со схемой «калашникова», производства США. Но нет. Они непробиваемы.

– Ясно.

– Как ты, парень? – спросил полковник. – Эти говнюки сделали все, чтобы втоптать тебя в грязь.

– У них не получилось, сэр.

– Рад это слышать.

– Но у меня есть проблемы, сэр.

– Говори.

Козак рассказал все. Ну, почти.

– Опиши мне этого типа из «Линкольна», – потребовал полковник, разбираясь с фалафелем.

– Лет шестьдесят...

Когда описание было закончено, полковник думал недолго.

го.

– Конрад Райс.

– Кто он, сэр?

– Один из заказчиков. С самого верха. Последний раз, когда я имел с ним дело, он был начальником инспекции в ЦРУ. Это очень высокая должность. А занимался он, по-моему... Ираном. Да, Ираном.

– Тогда что ему делать на Украине?

– На Украине? Сейчас это тема номер один, все хотят заниматься Украиной. Повтори, что он сказал?

– Он сказал, что нужно провести ревизию в Украине. Что он подозревает, что там что-то нечисто с нашими поставками оружия туда.

– Подозревает, – фыркнул полковник. – Если он говорит, что подозревает, он точно знает, что колеса закрутились вновь. Просто не хочет давать тебе информацию. А сам ты что думаешь?

– Я хочу взяться за это, сэр.

Полковник пожал плечами:

– Тогда ничем не могу помочь.

– Это личное, сэр.

– Личное? В ЦРУ работают очень искусные манипуляторы.

– Действительно, личное, сэр.

Полковник отложил ложку.

– Хорошо. Чем конкретно я могу тебе помочь?

– Вы знаете про ситуацию на Украине? Там есть наши люди?

Полковник криво улыбнулся.

– И да, и нет. Мы там ходим по очень тонкой грани. У Киева русские войска. Нас это не устраивает. Но открытая поддержка Украины сейчас невозможна по многим причинам, прежде всего политического характера. Если ты слушаешь новости, то должен знать, о чем я сейчас говорю...

– Да, сэр, понимаю.

– Европа все больше склоняется на сторону России. Конфликт затянулся, противостояние бьет по экономике, а на принципы плевать, когда у тебя в стране безработица больше десяти процентов. Все эти новости о зверствах распространяются именно европейскими новостными агентствами, видимо, это часть тайной сделки с русскими. Мы не можем поддерживать людей, которые стреляли гражданским в затылок, пытали пленных и, возможно, сбили гражданский самолет с пассажирами на борту. Это неприемлемо.

– Но мы их поддерживаем.

– Увы, поддерживаем. В основном поддержка идет через Польшу и Прибалтику. Мы поставляем им кое-какую технику... Сам понимаешь, это важный рубеж, если русские возьмут Украину, то они подойдут вплотную к границам Восточной Европы и новых членов НАТО, а мы не можем этого допустить... У корпуса там усиленная спецгруппа, из твоего как раз подразделения, они охраняют американское посоль-

ство, которое сейчас в Днепропетровске. Но кроме того, они тайно содействуют обучению местных сил защиты территории... так это, кажется, называется.

– Они могут мне помочь, если дойдет до этого?

– Исключено!

Полковник посмотрел в упор.

– Исключено! Украина – это политическое минное поле. Мы не можем и шагу ступить без согласования с Госдепом. И я должен тебя предупредить – если ты будешь о чем-то договариваться, я и слышать об этом не хочу. Нет и нет.

Это было завуалированное согласие.

– Сколько там человек?

– Восемьдесят. Иногда немного меньше.

– Бронетехника есть?

– Только «Хаммеры» с бронезащитой и машины скрытого бронирования для low-low²⁰. Есть пара зафрахтованных вертолетов, но ими мы пользуемся на пару с другими конторами. Это общий ресурс. С использованием также могут быть проблемы.

– Ясно, сэр. Спасибо за информацию.

Полковник задержал его руку в своей.

– Помнишь одиннадцатую заповедь?

– Держи свое ружье чистым?

– Нет, парень. Не попадись...

²⁰ На сленге – передвижение скрытно, без возможности опознания.

Квантико, штат Виргиния.

Стрельбище морской пехоты США.

16 июня 2019 года

Ганнери-сержанта Томаса Суини он нашел на стрельбище, где тот разбирался со своей винтовкой...

Ганнери-сержант Суини в морской пехоте был кем-то вроде живой легенды, одним из тех, на ком стоит... даже не корпус, а миф о корпусе. Его служба началась с того, что в восемьдесят втором году один ублюдок въехал на огромном самосвале во двор здания, где были расквартированы морские пехотинцы, и активировал взрыватель. Его пытались остановить, но не смогли. Погибли двести восемьдесят два морпеха – самые большие единичные потери в корпусе со времен войны с Японией. Среди тех, кто выжил, был и он, тогда еще рядовой стрелок, брошенный в девятнадцать лет в зону многолетнего вооруженного конфликта, в котором погибли уже десятки тысяч. Он должен был умереть, как и его товарищи, но он не умер, он выжил и даже потом в составе антинайперской группы деблокировал аэропорт и охотился на снайперов, засевших в башне Мюрр.

С тех пор прошло много лет, но ганни Суини, родом из глуши Северной Дакоты, не изменил ни себе, ни своей винтовке, сейчас он тренировал стрелковую команду Корпуса морской пехоты США, которая должна была защищать честь корпуса во время ежегодных соревнований на кубок Уимбл-

дона²¹. Он же входил в группу оценки легкого вооружения корпуса, отвечал за испытания предлагаемых новых видов вооружения... конечно, их голос был только совещательным. Решения принимались на самом верху и исходили далеко не только из соображений качества, удобства и точности оружия.

Сейчас ганни сидел со своей винтовкой, представлявшей собой изготовленную на заказ фирмой Texas Brigade Armory винтовку «M40 A5», но под патрон 300WM. Ганни не спеша чистил ствол, и это было похоже на молитву.

– Сэр! – негромко сказал Козак и вытянулся по стойке «смирно».

Ганни не спеша дочистил винтовку, посветил фонариком и только потом обратил на Козака взгляд своих спокойных глаз. Цвет их был чем-то средним между голубым и серым, и от всего этого человека веяло уверенностью в себе и спокойной силой. Пока в корпусе большинство составляли такие как они, Америку боялись и уважали.

Теперь же у них в отрядах появились даже педерасты.

– Полковник Берч говорил, что ты стал федом, парень, – спросил сержант. Голос его был таким же, как он сам, негромким, но внушительным. – Это так?

– Да, сэр.

²¹ Существует не только теннисный, но и стрелковый кубок Уимблдона, очень почетный. До недавнего времени человек, получавший этот кубок за стрельбу на дистанцию тысячу ярдов, входил в состав элиты снайперов мира. Сейчас тысяча ярдов – это уже обычная дистанция.

– Надрать бы тебе задницу, парень. Как ты только додумался до такого.

Козак молчал.

– Не то чтобы я был против правоохранительных органов, – рассудительно сказал ганни, – но видит Бог, и уважения к ним я никогда не испытывал. Любому морскому пехотинцу следовало бы держаться от них подальше, будь он пьян или трезв, вот так...

...

– Полковник звонил насчет тебя. И еще один парень... его кличут Канада. Знаешь такого?

– Мой крайний напарник в корпусе.

– Он пытался попасть в сборную команду корпуса. Теперь уже вряд ли попадет...

...

– Какое у тебя дело, сынок?

– Мы столкнулись с очень интересным случаем снайперской стрельбы, сэр. Я бы хотел, чтобы вы высказали свое мнение.

– Судя по досье, ты сам в команде был назначенным стрелком. Чем твоё мнение будет отличаться от моего?

– Широтой взгляда, сэр.

Ганни кивнул.

– Возможно, ты и прав. Но не недооценивай себя.

– Наверное, вам захочется ознакомиться с материалами по делу.

Ганни взял тонкую папку и, не глядя, отложил в сторону.

– Забыл очки дома, сынок, – добродушно сказал он, – ты там был?

– Да, сэр.

– Ну, вот и расскажи, что там стряслось. Своим взглядом и своими словами. Ты ведь бывал под огнем? Как было дело? Что это были за ребята? Закрой глаза, очисти свой разум и расскажи мне все.

– Я сяду, сэр.

Повинуясь приглашающему жесту ганнери-сержанта, Козак сел напротив, закрыл глаза, пытаясь собрать мысли в кучу.

– Профи, сэр, – сказал он, – причем необычные. Откуда-то оттуда, с опытом...

Слово «оттуда» в США уточнять больше не требовалось.

– Умеют работать с минимальной подготовкой, без крепкой позиции, буквально с колес. За очень короткий промежуток времени они поставили, где нужно, машину, оборудовали позицию и отстрелялись. Дальность была небольшая... ярдов двести пятьдесят, не более. Тут и обезьяна попадет, тем более из полуавтоматической винтовки. Но они отработали на все сто, ни одна пуля не прошла мимо... точнее, одна прошла. Та, что предназначалась для меня. Забавно, сэр...

– Что же тут забавного?

– Это мне напомнило одного козла в Ираке.

– Расскажи.

– Неплохой стрелок с рук, сэр, был вооружен охотничьим «ремингтоном-700». Работал как раз с эстакад с мотоцикла. Его почерк – видит американскую колонну, или ему сообщают о ее прохождении – он выскакивает на эстакаду, стреляет навскидку по любой машине по месту водителя. Один выстрел, и ходу. Адекватно отреагировать сложно – один выстрел, и он скрывается, однажды он за день подстрелил так четверых ковбоев. Дальность всегда небольшая – от ста до трехсот, в героя никогда не играл, в перестрелки не вступал. Мы приземлили его, когда на его счету был десяток, и то во многом случайно – он на отходе нарвался на вертолетный патруль с крепким экипажем и отличным снайпером на борту²². Но из «барретта» с рук не выстрелишь.

– Ну, почему, можно и выстрелить. Я видел парней, которые сносно стреляли с «барретта» с рук. Какова была скорость?

– Наша около сорока, сэр. Они стояли на месте. Микроавтобус с открытым боковым люком. Он был белым, я заметил, как люк открывается, только потому остался жив.

– Кто был белым?

– Микроавтобус, сэр. Стрелка я не видел.

– Под каким углом он стрелял?

– Почти под прямым, сэр.

– По приближающейся машине.

– Да, сэр.

²² Реально имевший место в Ираке случай.

– Как все это происходило?

– Две машины. Первым он снял водителя головной – моего напарника. Машина потеряла стабильность, мне удалось выпрыгнуть, прежде чем заблокировалась дверь. Следом он выстрелил в меня – я убрался буквально за секунду. Продолжать работать по мне он не стал, хотя и видел, что промазал, вместо этого он занялся второй машиной. Она была бронированной, в ней – четверо бойцов ГОЗ, группы освобождения заложников, это наш спецназ. Схема та же – первым он снял водителя, дальше стрелка на той же стороне, он попытался укрыться за дверью, думая, что дверь выдержит. Не выдержала. Двое попытались вывести задержанного, который и был целью. Один обошел нашу машину и попробовал укрыться за дверью – результат тот же. Вторым вытащил задержанного и попытался укрыться за своей машиной. На них он потратил семь оставшихся зарядов. Когда я открыл огонь по нему, он уже делал ноги.

– Сколько всего выстрелов он сделал?

– Одиннадцать, сэр.

– За?

– Не более тридцати секунд. Очень быстро.

Ганни уперся взглядом в стол, думая... Козак тоже думал... перед глазами проносились картины того страшного дня. Когда по тебе стреляет снайпер – это страшно... неизвестно откуда летящие пули, падающие друзья, удары пуль... полтинник тот еще зверь, от него почти нет укрытий, кроме

брони. Интересно, как быстро они поняли, что именно по ним работает? И о чем думали, когда это поняли?

Наверное, много чего думали. В такие секунды вся жизнь проносится перед глазами. Но ни один не струсил. Каждый из них пытался выполнить свой долг до конца.

Кроме...

Козак открыл глаза. Ганни смотрел на него.

– Неплохо.

– Сэр?

– Ты стрелял из винтовки с оптическим прицелом?

– Приходилось, сэр.

– Пойдем-ка, постреляем...

В оружейке ганнери-сержант взял крупнокалиберный «барретт»... В корпусе всему присваивали свое название, так вот эту винтовку называли SASR – Special Application Sniper Rifle. Всему миру она была известна как «Барретт M82 A1». Винтовка была производства аж девяносто четвертого года... армия и спецназ были вооружены куда более новыми моделями, в то время как корпус получал то, что оставалось от военного бюджета. Сейчас снабжение несколько улучшилось, после того как прекратили финансирование F-35.

Мишени уже были выставлены, чтобы имитировать условия стрельбы, – ганни пошел на простую хитрость, которую придумали снайперы ФБР для имитации движущихся целей.

Он взял шарик с гелием и привязал его в радиоуправляемой машинке ценой в тридцать долларов. Такая установка с колеблющимся шариком позволяла имитировать движущуюся мишень намного реальнее, чем управляемое мишенное поле за несколько миллионов.

Козак заметил на соседнем стрельбище несколько знакомых парней из ФБР – в Квантико находилась академия ФБР, они обменялись приветственными кивками. Тем временем ганни загнал машинку на самый край поля.

– Знаком с этой штукой? – спросил он Козака, который выставлял на сошки тяжелую, внушительного вида винтовку.

– Немного стрелял из нее. Во время курса по городским боям. Я использовал «M110».

– Тоже неплохо. Готов?

– Вроде бы да, сэр.

– Тогда... начали!

Дистанция была ярдов триста... Несмотря на то что винтовка имела отличный прицел Leupold, он не сразу поймал шарик в прицел. Потом все же нашел яркое пятно, нащупал его прицелом, нажал спуск, излишне торопливо.

– Выше, левее! – крикнул сержант.

Черт... нет ничего хуже промаха. Руки начинают дергаться... их специально учили не поддаваться панике в ситуациях промаха или задержки, подсовывая бракованные патроны... но все равно промах никто не переносит спокойно.

Он повел винтовку вправо... ага... есть. В этот момент винтовку... нет, не винтовку, а эту чертову мишень шатнуло, он вынужден был отказаться от выстрела. Осознание того, что рядом стоит один из величайших стрелков корпуса, давило на него подобно чугунному грузу... но он взял себя в руки, промедлил еще несколько секунд и, дождавшись, пока мишень появится в прицеле, на перекрестье, выстрелил.

– Бинго!

Есть...

Несмотря на чудовищный калибр, отдача у этого монстра была как у винтовки калибра 7,62, не больше.

Магазин... затвор назад.

– Оружие чисто, сэр.

Ганни одобрительно кивнул:

– Неплохо.

– Я бы так не сказал, сэр.

– С учетом того, что это незнакомая тебе винтовка, а я пустил аппарат по ухабистой местности, более чем нормально. Но вернемся к сути проблемы. Что тебе показалось самым сложным при стрельбе?

Он прикинул... да.

– Удержать цель в прицеле.

– Верно. У стрельбы из винтовки с оптическим прицелом на короткие дистанции есть свои особенности. И одна из них – очень сложно удержать цель в прицеле. Вот представь себе – ты снайпер. У тебя нет надежной позиции, твоя позиция

– это автомобиль. Хорошо, если они смонтировали что-то вроде стрелкового стола, но если нет – все, чем ты располагаешь, это, скорее всего, толстая веревка или трос поперек дверного отсека. У тебя нет совершенно времени на прицеливание.

– Верно, сэр, – сказал Козак, – они не могли там находиться долго. Я заметил, как открывается дверь, они открыли ее в последний момент, уже когда мы появились.

Ганни поморщился, он не любил, когда его перебивали.

– Допустим, у нас есть фургон. Нам нужен водитель, потом наблюдатель – он будет осуществлять наблюдение с места справа от водителя, и сам стрелок. Возможно, есть и кто-то четвертый – кто страхует стрелка. И именно он открыл дверь грузовичка – по крайней мере, я бы сделал именно так, не стал бы рисковать – стрелку надо сосредоточиться, ему не до дверей. Четверо. Все нервничают. Ваша машина – всего лишь одна в многочисленном потоке. Они не могут долго оставаться на одном месте – в любой момент может кто-то остановиться, спросить, что случилось и не нужна ли помощь. В любой момент может появиться полицейская машина – она уж точно заметит, что кто-то стоит на эстакаде, так? И вот они видят цель. Наводчик дает отсчет, второй номер стрелка открывает дверь. Стрелок за несколько секунд должен сориентироваться, найти вашу машину в прицеле, навеситься на водителя и сделать выстрел. После чего он должен разобраться в быстро меняющейся обстановке и сделать еще

несколько выстрелов. Возможно, под ответным огнем и ни разу не промахнуться. Верно?

Козак мрачно кивнул.

– Прямо Вильгельм Телль какой-то.

– Да уж. И это еще не все. Ты говорил, что ты выпрыгнул из машины?

– Да, сэр.

– Значит, наводчик должен был это отследить, оценить, дать команду, навести его, он должен был быстро изменить точку прицеливания, выстрелить, оценить результат и снова начать работать, уже по другим целям. Судя по тому, что он решил не продолжать с тобой, дисциплина огня у парня на уровне. Часто стрелок, если не попадает в цель, фиксируется на ней и начинает тратить на нее патроны, не обращая внимания на изменение обстановки и, возможно, новые угрозы. Иногда это правильно, но чаще всего – нет. Улавливаешь мои мысли?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.